

ДЖИЛ ГРЕГОРИ

ПОБЕЩАЙ МНЕ
РАССВЕТ

Джил Грегори

Побещай мне рассвет

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158846

Побещай мне рассвет: АСТ; Москва; 2002

ISBN 5-17-015234-5

Аннотация

Они еще не знали, что предназначены друг другу самим небом... Белинда, красавица с локонами цвета пламени и столь же пламенной душой, страдала от одиночества в холодной и унылой Новой Англии. Джастин, лихой пиратский капитан, которого боялись и которым восхищались, бороздил моря и океаны... Однажды они встретились – встретились, чтобы познать в объятиях друг друга любовь, безграничную, как океан, и страсть, неукротимую, словно шторм...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	61
Глава 5	89
Глава 6	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Джил Грегори

Пообещай мне рассвет

Лэрри и Рэй со всей моей любовью

Хочу поблагодарить моего замечательного редактора Мэг Блэкстон за то, что она направляла и поддерживала меня во время работы над рукописью «Пообещай мне рассвет». Ее мудрость, интуиция и дружеские советы в большой степени способствовали созданию этого произведения. Еще мне хочется сказать спасибо Сюзанне Жоффе – за творческий импульс к написанию данной вещи, за то, что она поддерживала меня во время работы и верила в успешное ее завершение. И наконец – но далеко не в последнюю очередь – я должна выразить признательность и благодарность моему агенту, Эллен Ливайн, которая неустанно трудилась рядом со мной и служила неиссякаемым источником творческих сил.

Я счастлива, что мне довелось иметь дело с блестящими профессионалами и такими милыми людьми. Они снискали мое глубочайшее уважение.

Глава 1

Густая темнота окутывала большое торговое судно «Эсмеральда», бороздившее ледяные воды мартовского моря. Бе-

линда Кэди решительно взбиралась по трапу, холодный ветер, уныло завывая, приподнимал ее тяжелый плащ из синего бархата. В такую студеную, звездную ночь хорошо сидеть у ярко пылающего камина в объятиях толстого пухового пледа. Однако на «Эсмеральде» камина не было, а единственное изрядно протертое одеяло, которым укрывалась Белинда, было из серой свалявшейся шерсти. Но сейчас она радовалась тому, что вырвалась из зловонных и шумных корабельных недр. Наконец девушка добралась до конца трапа. Ее зеленовато-золотистые глаза сверкали решимостью. Не важно, что, поднимаясь наверх после наступления темноты, она нарушает приказ капитана; не важно, что Сара Куки ворчала и недовольно хмурилась, когда она выбиралась из тесного трюма, битком набитого эмигрантами – женщинами и детьми. Белинда решительно проследовала по скрипучей скользкой палубе и положила руки на мокрые деревянные поручни. Она подставила лицо ветру, полной грудью вдохнула его соленую свежесть и встряхнула головой. О, последняя ночь! Последние сутки этого отвратительного путешествия! С нетерпением ждала она момента, когда сможет покинуть грязный, кишаший крысами корабль. Что бы ни ждало ее в неведомой колонии, все равно это лучше ужасающих тоскливых дней на корабле.

Барашки молочно-белых облаков плыли непрерывной чередой по угольно-черному небу, застилая звезды. Издали доносились громовые раскаты. Значит, утром пойдет дождь.

Белинда взгляделась в черное как смоль море. Ее прежняя жизнь в деревеньке графства Суссекс представлялась ей сейчас столь же далекой, как и сама добрая старая Англия. Впереди простирались колонии, и там – ее будущее. Что оно таит?

Сердце учащенно забилося, когда девушка попыталась представить, какой будет ее жизнь в доме кузена по отцовской линии, мирового судьи Джонатана Кэди из Сейлема. Настолько ли он сам чопорный и важный, как его титул? Глаза ее озорно заблестели. Коли так, придется быть примерной девочкой. Нельзя гневить своего благодетеля – ведь она сирота, да еще без гроша в кармане. Если кузен выставит ее вон, ей некуда будет податься. Об этом то и дело твердила ей Сара, служившая экономкой в семействе Кэди еще до того, как Белинда появилась на свет. Как будто она сама могла забыть о своем прискорбном положении!

Ее родители погибли в Лондоне при пожаре, когда ей было четырнадцать лет. Потом она три года прожила с бабушкой в уютном сельском особняке. А теперь и бабушки не стало – вот уже шесть месяцев, как ее похоронили. Обычно стойкая, Белинда тяжело перенесла эту потерю. А вскоре после похорон последовал новый удар. Брайен, управляющий, которому поручили присматривать за имением сквайра Кэди, вел дела из рук вон плохо, с величайшей небрежностью. По его нерадивости от состояния, которое сквайр оставил дочери, не осталось и следа. Осиротевшая Белинда обнару-

жила, что у нее нет за душой ни гроша. Затем наступили мрачные времена, о которых девушка предпочитала не вспоминать вовсе. Длинные, томительные дни, когда она лихорадочно размышляла, как жить дальше; одинокие ночи в гостиной, когда тоска по бабушке переполняла ее и причиняла такую боль, что чувство одиночества буквально разрывало ее сердце на части. Не предложи ей кузен Джонатан – единственный оставшийся в живых родственник – отправиться, под его опеку, в Новый Свет, она вообще не знала бы, что делать.

Она теперь в неоплатном долгу перед кузеном, напомнила себе Белинда. Нельзя отплатить ему неблагодарностью. Она станет тихой и послушной – о чем всегда молилась бабушка. Именно такой девушкой, каких она сама терпеть не может. Зная свой характер, Белинда предчувствовала, что примерное поведение дастся ей нелегко. Она всегда была задирой. По крайней мере ей всю жизнь об этом твердили, а старшим следовало верить.

Озорница, с которой нет никакого сладу, непоседа, сорвиголова – говорили о ней соседи. А винули во всем ее рыжие волосы – эту яркую огненную лаву, струившуюся по спине до самой талии. «С такими волосами немудрено иметь вздорный нрав, – бормотала Сара Куки. – Сатанинская грива – вот что это такое. Попомните мои слова». Но озорство и несдержанность всегда сходили Белинде с рук. «Ох, опять эта дочь сквайра взялась за свое – рвет розы в саду фермера Грира»,

«Совсем дочь сквайра от рук отбилась – сбежала с уроков и спряталась в лесу», «Мисс Белинда? Да, дочка сквайра – та еще штучка: закидала яблоками деревенских парней, а при этом еще и хохотала»...

Белинда заулыбалась было от этих воспоминаний, но тут же снова стала серьезной и вздохнула. Все шалости остались в прошлом, подумала она с сожалением. Ей почти восемнадцать, она теперь молодая дама, и нужно произвести хорошее впечатление на кузена Джонатана, чтобы не остаться в этом мире совсем одной. Такая мрачная перспектива страшилась даже ее. Она понимала, что у девушки без родителей и средств практически нет будущего; бедность и рабская зависимость – вот все, на что она могла рассчитывать. Белинде же не хотелось ни того ни другого. Значит, она постарается обуздать себя и понравиться своему неведомому родственнику. Другого выхода у нее нет – как это ни печально.

Мысли девушки устремились к таинственному Новому Свету, и ее охватили любопытство и волнение. Зеленые глаза засветились еще ярче, когда она обвела взглядом темный горизонт, пытаясь разгадать его тайну. Завтра она увидит все собственными глазами. Увидит землю, которая станет ее домом.

Она настолько погрузилась в раздумья, что не заметила темную фигуру незнакомца, притаившегося у нее за спиной. Некто стоял в тени грот-мачты и не спускал с нее глаз. На человеке были залатанные бриджи, грязные черные башмаки и

черная шерстяная накидка. Всклобоченная борода скрывала подбородок, здоровенная рука сжимала уже наполовину пустую фляжку. Он следил за ничего не подозревавшей девушкой, и его замутненные алкоголем глаза поблескивали в темноте. Хотя бархатный плащ почти скрывал ее фигуру, незнакомец сразу же узнал Белинду. Он следил за ней украдкой во время всего путешествия. И сейчас похотливая ухмылка медленно расплзалась по его лицу. Он снова отхлебнул из фляжки и причмокнул. Наконец настал час, о котором он мечтал долгие месяцы, проведенные в море...

Белинда услышала рядом какой-то шорох и вздрогнула. Девушка задохнулась от отвращения и по ее спине побежали мурашки, когда она разглядела прошмыгнувших мимо крыс. Ужасные, омерзительные твари! Она отвернулась от поручней, смирившись с мыслью, что придется вернуться вниз, в переполненную каюту. Еще одна ночь, убеждала себя Белинда, идя по палубе, она снова ступит на твердую землю и никогда больше не увидит этих крыс и этого корабля...

Внезапно кто-то выступил из тени и преградил ей путь. Сердце девушки екнуло, глаза расширились от испуга.

– Вы напугали меня, сэр, – произнесла она еле слышно.

– Да неужели? Я, право, не хотел, мисс Кэди, – мягко проговорил незнакомец, но его ухмылка сказала Белинде обратное.

Теперь, приглядевшись, она его узнала. Молодой, грубый, словно срубленный топором детина, лет двадцати с чем-то,

рыжеволосый, плечистый, вроде тех, в которых она когда-то швырялась яблоками. Он плыл на корабле с молодой беременной женой – невзрачным бледным созданием. Фелпс. Летти Фелпс. Так звали его жену. Белинда однажды перекинулась с ней парой слов. Странная пара, отметила она тогда. По виду парень был не из тех, кто женится на таких робких и вялых девицах. Он напоминал ей грубого деревенского мужлана, который днем работает в поле, а ночью пьет в кабаке и самым вульгарным способом удовлетворяет свои плотские желания.

Белинда подозревала, что ребенок, которого вынашивала Летти, был причиной, а не результатом брака. Белинда от всего сердца жалела молодую женщину и сомневалась, что та найдет счастье с таким грубияном. Оставалось лишь благодарить судьбу, что ей не выпал жребий связать свою жизнь с подобным чудовищем. И вот теперь она оказалась с Томом Фелпсом наедине на темной скрипучей палубе! Белинда с неприязнью поглядела на него и еще плотнее закуталась в синий плащ.

– Простите, сэ,р, но я хочу вернуться к себе в каюту, – сказала она холодно и попыталась его обойти, но ей это не удалось.

Ухмылка Фелпса стала шире, а в глазах появился странный блеск. Он прикончил содержимое фляги, швырнул ее в бурлящие черные волны и засмеялся. От его смеха у Белинды мороз пробежал по коже.

– Погодите, госпожа Кэди, – сказал он, придвигаясь еще на шаг. – Я хочу вам кое-что сказать.

– Меня это не интересует. Будьте так любезны – отойдите. Фелпс словно не слышал.

– А знаете ли вы, мисс, что капитан приказал всем пассажирам сегодня вечером оставаться внизу? И сейчас, находясь на палубе, вы нарушаете его приказ.

– Так же как и вы, – парировала Белинда холодно, возмущенная его манерами и откровенной похотью, сквозившей во взгляде. Она повелительно подняла руку и повторила: – Я хочу вернуться к себе. Вы и так меня задержали. Отойдите.

– Ну, так просто вы от меня не отделаетесь, – предупредил Фелпс, медленно придвигаясь к ней и разводя в стороны свои здоровенные ручки. – Як вам приглядывался все эти месяцы... Ждал случая. – Торжествующий смешок сорвался с его губ, а глаза вспыхнули. – В жизни не видал такой хорошенькой девушки! Вы просто очаровательны, госпожа Кэди, и я...

– Приберегите комплименты для своей жены, – гневно оборвала его Белинда. – А меня избавьте от этих трогательных излияний. Поверьте, мне они совершенно неинтересны.

Она снова попыталась проскочить мимо Фелпса, но длинной мускулистой рукой он поймал ее и грубо стиснул талию.

– Аристократишки! – прошипел он с нескрываемой злобой. – Все вы одинаковые. Думаешь, я тебе не пара, да? – Его пальцы безжалостно впились в ее нежное тело. – Отсылаешь

меня к забитой, невзрачной женоушке, да? А я не пойду, девочка, не пойду. Я уже все решил. Сегодня вечером я лягу с тобой, нравится тебе это или нет. – Он злорадно взглянул на перепуганную, пытающуюся вырваться Белинду и провел здоровенной мозолистой рукой по ее огненным волосам.

– Да, ты красавица, и огонь в тебе есть. – Фелпс облизал толстые губы, но, прежде чем успел произнести что-то еще, Белинда неожиданно рванулась – с такой яростью, что снова оказалась у мокрых поручней корабля. Сердце ее колотилось в груди как сумасшедшее.

– Не прикасайтесь ко мне, – проговорила она задыхаясь, и ее яркие золотисто-зеленые глаза засверкали. – Я требую: дайте мне пройти!

Фелпс запрокинул косматую голову и фыркнул. Он стоял широко расставив ноги и жадно тянул к ней руки, являя собой довольно устрашающее зрелище.

– Пока не доведу дело до конца, не надейся улизнуть, красотка.

Он шагнул вперед, рука Белинды проворно скользнула под плащ и тут же появилась вновь. Блеснуло лезвие. Белинда угрожающе взмахнула ножом, и глаза ее сверкнули столь же ярко, как металл.

– Еще один шаг, и я тебя убью, – предупредила она, держа оружие наготове.

К ее величайшей радости, Фелпс замер и изумленно уставился на хрупкое создание с огненными волосами, стоявшее

перед ним в угрожающей позе.

– Где ты это взяла? – спросил он, тяжело дыша. Презрительная усмешка показалась на губах Белинды.

– Наверное, вы, мужчины, женщин совсем ни во что не ставите, да? – спросила она тихо. – Ты что же думал, я отправлюсь в такое опасное плавание без всякой защиты? Считал меня совсем глупой? Ты ошибся, Фелпс! А теперь отойди в сторону и пропусти меня. Только посмей приблизиться хоть на шаг – я воткну эту штуку тебе прямо в сердце.

Фелпс прищурился и покачал большой лохматой головой:

– Нет. У тебя не хватит духу. Девчонка вроде тебя... хорошо воспитанная... Ты просто блефуешь!

– Нет!

– Эх, была не была! – хмыкнул он и бросился на нее.

Вскрикнув, Белинда полоснула его ножом. Лезвие коснулось правого предплечья, Фелпс взвыл и отпрянул. Кровь закапала на палубу. Белинда старалась не смотреть на нее. Бледная, дрожащая, она не отводила взгляда от искаженного бешенством лица негодяя.

– Оставь меня, – прошипела она. – Я тебя предупредила.

– Ах ты, сучка проклятая! Дорого тебе это обойдется! – взревел Фелпс и ринулся вперед, как обезумевший бык.

Белинда снова размахнулась, но на этот раз он увернулся от ножа, схватил ее руку и стал безжалостно выворачивать, до тех пор пока ее пальцы не разжались и нож не стукнул о палубу. Белинда вскрикнула от боли, но поднявший-

ся ветер заглушил ее голос. Фелпс рывком засунул ее голову себе под мышку и так держал девушку, совершенно беспомощную, прижав лицом к грубой ткани плаща. От него несло потом, виски и свежей кровью. Белинда, едва сдерживая тошноту, отчаянно пыталась высвободиться. Она выгибалась, словно дикая кошка, кусалась, царапалась, но Фелпс был слишком силен.

– Огонь-девка, – хрипло пробормотал Фелпс. – Никуда ты от меня не денешься, дворянская сучка! Я хотел тебя взять, и возьму. Будешь знать, как кидаться на меня с ножом. Да, надолго вы запомните эту ночь, госпожа Кэди. Это уж как пить дать! – Фелпс усмехнулся и опрокинул ее на холодную мокрую палубу. Он мял руками ее грудь, прижимался бедрами к ее бедрам, и животного в нем было гораздо больше, чем человеческого.

– Нет, нет, грязная скотина! – закричала Белинда, захлебываясь от ярости. Она отчаянно изворачивалась, плевалась, пытаясь освободиться, но так и не смогла сдвинуть с места навалившегося на нее громила. Фелпс прижал свой слюнявый рот к ее нежному рту, раздвинул ее губы своим языком, и девушку передернуло от отвращения.

Она скорее умрет, чем вынесет это, вихрем пронеслось у Белинды в голове. Ее хрупкое тело вздрагивало от ненависти и омерзения. Она все равно не сдастся – либо он ее убьет, либо она его.

Внезапно Белинде удалось высвободить ногу, и она ярост-

но лягнула Фелпса в мошонку. Она узнала, насколько это болезненно, случайно, много лет назад, когда в шутку боролась с сыном старшего конюха. Фелпс скорчился и завыл от боли. В этот момент «Эсмеральду» качнуло, и Белинда и ее мучитель покатались по палубе. Их швырнуло на выставленные в ряд бочки, Белинда почувствовала, как хватка его ослабла, и вскочила на ноги. Нож! Где нож? Пока она лихорадочно осматривалась в поисках ножа, Фелпс тяжело завозился и, покряхтывая, сел. Руки его сжались в кулаки. Подбирать нож уже не оставалось времени, нужно было бежать. Девушка бросилась наутек с проворством лани. Сердце ее тяжело стучало. Воспоминания о его варварских ласках, о его гнусных поцелуях подстегивали ее. В какой-то момент Белинда обернулась.

– О нет! – прошептала она, охваченная новым приступом страха: Фелпс припустился за ней с неожиданной прытью. Он двигался грузно и неуклюже, словно огромный раненый медведь, оставляя за собой кровавый след.

Наконец она достигла трапа, торопливо, едва не кувырком, скатилась по ступенькам и, задыхаясь, побежала дальше. И вдруг с ужасом поняла, что совершила чудовищную ошибку: каким-то образом повернула не в ту сторону и, вместо того чтобы оказаться на пути к каюте, которую она делила с другими женщинами, попала в незнакомый пустынный проход, освещенный жалким огоньком одной-единственной маленькой свечки, зловеще подрагивающим на сквозняке.

В полумраке она разглядела ряд дверей, а по коридору уже тем временем загрохотали ботинки Фелпса. Ее снова охватила паника. В тот момент, когда тяжелый топот раздался уже совсем рядом, она схватилась за ближайшую дверную ручку, и та неожиданно подалась под ее рукой. Белинда толкнула дверь и с неистово бьющимся сердцем проскользнула внутрь.

Она очутилась в тесном помещении, забитом парусиной и бочками с дегтем. Когда дверь закрылась, воцарилась полная темнота. Белинда попыталась нащупать замок и не нашла его. Кромешная тьма показалась ей такой же отвратительной, как тот мужчина, что рыскал снаружи. Она очень осторожно сделала несколько шагов, обогнув невидимый моток каната, добралась до стоявших в ряд бочек, зашла за них и присела на корточки за самой высокой. Крысы с омерзительным попискиванием так и сновали вокруг нее. Сцепив похолодевшие руки, Белинда призвала на помощь все свое мужество, чтобы не закричать в полный голос.

Она так и не уловила никакого шума в коридоре, хотя прошла, казалось, целая вечность. Удары ее сердца постепенно стали тише. Может быть, он ушел? Смирился с неудачей и вернулся в свою каюту? Белинда вдохнула полной грудью и уже собиралась встать, когда услышала щелчок дверного замка. Тяжелая дверь распахнулась, и луч бледного света проник в помещение. Затаив дыхание, она впиалась ногтями в ладони. В дверном проеме вырос силуэт ее преследова-

теля. Казалось, что его массивная фигура уже нависает над ней.

– Госпожа Кэди! Госпожа Кэди! – Хрипловатый и жуткий шепот, зловеще звучащий в полной темноте, походил на воплощение ночных кошмаров. От этого звука по спине у нее забегали мурашки. – Я найду вас, госпожа Кэди! Я расквитаюсь с вами! Да-да, обязательно! Вы еще пожалеете об этой ночи, госпожа Кэди. Госпожа Кэди!

Он дотошно оглядывал помещение, всматривался в самые темные углы. Белинда ощущала исходивший от него запах самца, запах мужской похоти и ярости и, съездившись в своем укрытии, молила Бога о том, чтобы он ее не заметил. Внезапно Фелпс сделал шаг вперед, и она застыла, готовая драться до последнего, но негодяй вдруг отступил, к ее величайшему облегчению, вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Белинда не шелохнулась. От неудобной позы затекли мышцы, но вставать было нельзя – пока еще нет. Наконец она медленно поднялась. Несмотря на ледяной холод, девушка взмокла от пота, и все-таки ликование охватило ее. Она спасена!

Белинда осторожно, бочком пробралась к выходу и приложила ухо к двери. Ни звука. Она чуть-чуть, всего на какой-нибудь дюйм приоткрыла дверь и выглянула. Никого! Бесшумно, словно призрак, Белинда выскользнула наружу и двинулась по коридору, то и дело оглядываясь по сторонам. Она знала, что в любой момент из темноты может появиться

Фелпс, но его не было. Наконец она добралась до своей каюты и, пулей влетев внутрь, плотно прикрыла за собой дверь. Потом привалилась к косяку и перевела дух. Она в безопасности! Белинда повернулась. Все смотрели на нее. Женщины, уже облачившиеся в ночные рубашки и чепцы, неодобрительно глядели на Белинду со своих коек и с подозрением хмурились, подметив ее растерзанный вид, растрепанную прическу. Отбросив со лба густые локоны, Белинда направилась к койке Сары Куки с гордо поднятой головой. Никакие враждебные взгляды не смутят ее! И хотя в душе все еще содрогалась от ужаса, внешне она являла собой образец дерзости и решительности, когда шествовала мимо безмолвно взиравших на нее женщин. Сара сидела на своей койке прямая как палка, а ее круглое, пухлое лицо побагровело от возмущения.

– Где вас носит, мисс Белинда! – яростно зашептала она, сверкая голубыми глазами. – Ну что за несносное, избалованное дитя! Вы хоть понимаете... – Тут она осеклась и, испуганно вытаращив глаза, судорожно вцепилась в руку девушки. – Боже милостивый, да у вас кровь на плаще! Что с вами стряслось?

– Если я расскажу тебе правду, Сара, ты скажешь, что я это заслужила, – не надо было нарушать распоряжений капитана. Так что лучше уж я оставлю эту историю при себе, – мрачно произнесла Белинда и поджала губы. – У меня сейчас нет настроения выслушивать твои нравоучения!

– Мисс Белинда, я все равно добьюсь от вас ответа! Что за напасть с вами приключилась? – не унималась экономка, и в глазах ее сквозил неподдельный ужас.

Белинда дерзко посмотрела на старую служанку. Ох, до чего же Сара досаждала ей в детстве! Какие длинные нравовучения приходилось ей выслушивать после каждой шалости. Как эта женщина бранилась, когда Белинда таскала булочки с кухни или груши из оранжереи! Но с другой стороны, она же обнимала и как могла утешала ее в день бабушкиных похорон. Несмотря на ворчливость и вечное нытье, Сара была искренне предана Белинде. Она и в путешествие-то отправилась, чтобы присматривать за девушкой. Правда, брат Сары, кузнец из Бостона, не так давно овдовевший, вот уже который год зазывал ее к себе, но та приняла приглашение лишь после смерти бабушки Белинды – она хотела заботиться о своей непослушной девочке во время долгого плавания. Белинда знала: не отправься она в путь, Сара предпочла бы остаться в Англии, жить в тихом уютном домике и не стала бы срываться с насиженного места.

Глядя на бледное лицо Сары и размышляя обо всем этом, Белинда забыла о своих обидах. Ее раздражение улетучилось, сменившись порывом нежности. Бедная Сара, милая ворчунья! Такая суровая – и такая добросердечная! Она наклонила и чмокнула экономку в морщинистую щеку.

– Ничего страшного, Сара, – сказала она ласково. – На мне нет ни царапинки.

– Ох, детка, я ведь тут с ума сходила! И о чем вы только думали, когда помчались на палубу одна! Я просто не знала, что делать! Вы бы сейчас на себя посмотрели! Бедняжка моя, что стряслось? Я же вижу – вас кто-то обидел!

– Нет-нет, не беспокойся. – Белинда устало опустилась на колени возле узкой койки и на несколько мгновений положила голову на плечо экономки. – Со мной все в порядке. Но это было так ужасно-Внезапно Белинда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и подняла глаза. Бледное, измученное лицо Летти Фелпс было обращено к ней, и на этом лице застыла тревога. Дрожащие руки Летти, словно защищая, прикрывали округлившийся живот. Белинда закусила губу и потупилась. Когда она заговорила снова, голос ее звучал совершенно спокойно:

– Ладно, Сара, не важно. Давай забудем об этом. Но экономка не успокаивалась:

– Мисс Белинда, вас правда никто не обидел? Господи, дитя мое, да поймите же вы...

– Тс-с... – Белинда быстро встала и покачала головой. – Уверяю тебя: со мной все в порядке. – Встретившись взглядом с Сарой, девушка поняла, что та собирается продолжать расспросы, и в глазах у Белинды появился стальной блеск. – Сара, тебе пора спать. До завтра.

Она похлопала экономку по трясущейся руке, отвернулась и решительно пошла прочь. Саре осталось только проводить свою подопечную беспомощным взглядом.

Белинда пробралась между рядами унылых скрипучих коек. Дойдя до своей койки, она сняла мокрый, запачканный кровью плащ и отшвырнула его в сторону. Как только она присела, усталость одолела ее. О, до чего ей хотелось в этот момент выложить Саре все, вывести мерзавца на чистую воду и увидеть, как его покарают! Но, заглянув в глаза его жены, Белинда не смогла произнести его имя. Она слишком хорошо представляла, каким горем, каким позором это обернется для бедняжки. В конце концов, что это изменит? Завтра она покинет корабль и никогда больше не увидит Тома Фелпса. Так стоит ли унижать его в глазах жены, женщины, вынашивающей его ребенка? Удовольствие, полученное от того, что его выпорют, не стоит боли, которую придется вынести Летти. А кроме того, рассудила Белинда, она сбежала от него, – ведь так? Несмотря на все старания, ему так и не удалось причинить ей вред.

Обессиленная, она облачилась в плотную ночную рубашку, натянула на себя шерстяное одеяло, но сон все не шел. Она вздрагивала всем телом, не только от холода, но и от кошмарных воспоминаний. В ушах до сих пор звучал жуткий, хриплый шепот, как эхо повторявший ее имя и клятвы о мести. Страх ледяной рукой сжимал сердце, и ее опять бросало в дрожь. Наконец Белинду сморил сон – тяжелое забытье, со смутными, тревожными видениями, которые мучили ее, заставляя переворачиваться с боку на бок.

Пробудившись утром, девушка смогла припомнить толь-

ко одно из них, повергавшее ее ночью во мрак и ужас. Ей снилась веревочная петля на шее и слышался злорадный хриплый мужской смех. Скользнув взглядом вдоль веревки, она увидела ухмыляющуюся физиономию Фелпса: его глаза сверкали злобой, здоровенные ручищи цепко держали обвинявшую ее шею удавку. Вот пальцы его напряглись, веревка впиалась ей в шею, и Белинда судорожно стала ловить ртом воздух, давясь и изнемогая от удушья.

Когда она проснулась, подушка была влажной от пота, а в ушах все еще звучали ужасный смех Фелпса и его слова: «Я предупреждал вас, госпожа Кэди! Я предупреждал!»

Глава 2

«Эсмеральда» вошла в гавань Сейлема под радостные возгласы пассажиров и экипажа. Всем не терпелось сойти с корабля. Белинда, застряв в палубной толчее, старалась разглядеть пристань и сам город. Несмотря на значительное расстояние, она все-таки различала причал, набережную, узкие улочки, лавки и дома с островерхими крышами. К утру дождь прекратился, но туман по-прежнему висел над головой. Теперь дело уже близилось к вечеру, и надвигающиеся сумерки простирали над землей свои крылья. Все выглядело серым и страшно унылым. Она вглядывалась в лица людей на пристани, пытаясь отгадать, кто из этих мужчин в высоких шляпах и длинных строгих плащах, со шпагами на боку ее кузен Джонатан. Впрочем, осталось еще совсем чуть-чуть, сказала самой себе Белинда.

В сопровождении Сары, идущей чуть позади, она медленно пробиралась сквозь толпу, глядя прямо перед собой и крепко прижимая к себе дорожный сундук. Белинда осторожно спустилась по трапу и, поддерживаемая матросом, ступила на дощатую пристань. И вдруг у нее замерло сердце. В толпе, возле крытых повозок, она заметила Фелпса и его жену. Тревога вновь охватила ее.

– Сара, – окликнула она, нетерпеливо обернувшись к экономке, – ты не знаешь, куда направляются Летти и ее муж?

Они, случайно, не собирались остаться в Сейлеме?

Сара ответила тотчас же:

– Летти Фелпс? Бедняжка, которая вышла замуж за это чудовище? Нет, они поселятся не в Сейлеме, а округе Андовер, – Летти мне как-то об этом рассказывала. Ее муженек разжился там клочком земли. А почему вы спрашиваете, детка?

– Просто так, – с облегчением пробормотала Белинда.

Все складывалось как нельзя более удачно. Она никогда не увидит Фелпса вновь. За то время, что они с Сарой пробыли по запруженной людьми пристани, она постаралась выбросить из головы мысли о нем и о своем ночном кошмаре. Путешествие осталось позади, так же как и испытания, выпавшие на ее долю прошлой ночью. Будущее манило ее. Белинда мало что знала о поселении пуритан, и ей не терпелось узнать больше.

Основанное Роджером Конантом в 1626 году, поселение первоначально получило название Наумкеаг. Роджер Конант и Джон Эндикот, глава компании «Новая Англия», приложили немало усилий к созданию убежища для пуритан, чтобы Карлу I было труднее добраться до людей, чьи религиозные убеждения шли вразрез с его собственными. Белинда хотя и не была пуританкой – ни по происхождению, ни по воспитанию, – отмечала их стремление к свободе, восхищалась силой духа и решительностью. Эти люди оставили родные, обжитые места и отправились навстречу опасно-

стям, подстерегавшим их в неизведанных, неосвоенных землях в заливе. Поначалу казалось, что морозные зимы и полное отсутствие цивилизации делают эти места совершенно непригодными для жизни, но с основанием Компании Массачусетского залива положение дел существенно улучшилось.

Настоящий же перелом произошел в 1630 году. Джон Уайнтроп отправился в плавание на «Арбелле» в сопровождении флотилии из десяти кораблей, на которых находились семьсот человек и несметное количество домашнего скота и съестных припасов. Их прибытие в Сейлем в 1630 году ознаменовало начало настоящего расцвета колонии в Массачусетском заливе. Небольшое, не имеющее четких границ поселение в гавани Сейлема медленно, но неуклонно разрасталось. С тех пор прошло шестьдесят лет, за эти годы Сейлем превратился в процветающий порт, жизнь в котором так и кипела. Вот, пожалуй, и все, что было известно Белинде об этом городе. Колонии Нового Света оставались для Англии чем-то таинственным и неведомым, и потому девушка не знала, чего ей ждать теперь, когда она покидает «Эсмеральду». Белинда сознавала, что ей предстоит испытать лишения, – ведь колонии, конечно же, во многом уступают метрополии. И все-таки Белинда не страшилась будущего. Она твердо решила найти свое место в Новом Свете, обрести тут свой дом и счастье.

Сердце гулко билось, когда она оглядывалась по сторо-

нам, надеясь отыскать своего кузена. Вдруг кто-то довольно грубо тронул Белинду за плечо. Она повернулась. Женщина с ястребиным лицом, угловатая, в черной шляпе и коричневой шерстяной накидке, глядела на нее, прищурив глаза.

– Это ты – Белинда Кэди? Белинда кивнула:

– Да. А вы кто?

– Ханна Эмори. Я работаю у мирового судьи Кэди, он и послал меня за тобой. Я жду уже битый час, а дома полно дел, так что поторопись.

Белинда, слегка приподняв брови, оглядела бесцеремонную служанку. Ханна Эмори была невзрачным созданием лет сорока, с заостренным лицом, карими глазами-щелочками и пепельными волосами, выбивающимися из-под шляпы. В поведении ее не было даже намека на радушие или дружелюбие. Более того, Белинда отметила, что женщина относится к ней с явным пренебрежением, – ее маленькие глазки бесцеремонно оглядывали девушку с головы до ног. Даже когда Белинда посмотрела ей в глаза, Ханна Эмори не смутилась. Судя по хмурому выражению лица женщины, Белинда явно пришлась ей не по вкусу. Она критически скривила губы и прищелкнула языком.

– Что-нибудь не так? – холодно осведомилась Белинда – столь дотошный осмотр слегка ее позабавил.

Ханна ответила лающим презрительным смешком.

– Господин Кэди сказал, что ты путешествуешь с какой-то старухой, – произнесла она отрывисто и четко, – между тем

как все прочие девушки сошли с корабля в сопровождении мужчин. Вот я и гадала, что ты за птица такая, но, – тут грубиянка покачала головой, – ты не то, чего я ожидала. Совсем не то.

– В самом деле? – Белинда так и не отвела взгляд, не зная, посмеяться ли над этой нахалкой или возмутиться.

Никогда еще она не сталкивалась со столь презрительным к себе отношением, да еще со стороны прислуги. В недоумении она размышляла, что в ее внешности так раздосадовало Ханну. Белинда считала, что выглядит вполне прилично, даже привлекательно. Утром ей удалось вывести пятна крови с плаща, и он тоже имел сносный вид. Она убрала с лица свои огненно-рыжие волосы, стянув их сзади зеленой бархатной лентой, а под плащ надела шелковое платье оливкового цвета с длинными рукавами и золотисто-зеленую кружевную юбку. Так что же в ее облике так не понравилось служанке?

– Сожалею, что разочаровала вас, – бросила она с некоторой надменностью, выдержав пристальный взгляд Ханны. – Ради Бога, скажите мне, чего именно вы ожидали увидеть?

Ханна Эмори уже собралась было ответить, но вдруг передумала.

– Ладно: теперь все равно. Очень скоро сами все узнаете, милая леди. Не мое это дело – судить наперед.

– Совершенно с вами согласна, – холодно произнесла Белинда, но в душу ее уже закралось беспокойство.

Что-то было не так – об этом говорили не только слова женщины и не только ее явное разочарование. То же самое подсказывали Белинде чувства, интуиция – с того самого момента, как она столкнулась с Ханной Эмори на этой унылой маленькой пристани. Но сейчас некогда было думать об этом. Стараясь прогнать прочь тревогу, Белинда, чуть склонив голову набок, снова обратилась к служанке.

– А где мой кузен? – поинтересовалась она. – Я надеялась, что он сам меня встретит.

– У него есть дела и поважнее, – бросила Ханна, презрительно хмыкнув и потуже затягивая ленты шляпы под костлявым подбородком. – В поселке кое-что происходит, так что мировой судья Кэди сейчас там. – Она нетерпеливо схватила Белинду за руку: – А теперь пойдем, девочка. Когда твой кузен вернется домой, ему захочется поужинать и повидаться с тобой. Мирового судью лучше не заставлять ждать, ты скоро сама это поймешь.

Ну, это уж слишком! Белинда с возмущением выдернула руку, однако, прежде чем она успела произнести хотя бы слово, в бой ринулась Сара Куки:

– А ну постой! И ты разговариваешь так с мисс Белиндой? – Круглое лицо экономки побагровело от гнева. – Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Подумать только – обращаться к дочери сквайра таким тоном! Да я никогда в жизни...

– Дочка сквайра? – Глаза Ханны нехорошо заблестели. – Насколько я знаю, он мертв.

– Да, но....

– Никаких «но», – оборвала ее Ханна и перевела свой ключий взгляд с Сары на Белинду, которая слушала с нарастающим гневом. – Ты теперь не богаче меня! – воскликнула Ханна, потрясая костлявым пальцем перед лицом девушки. – Ты – нищая, несмотря на свои пышные наряды и барские ужимки. Мировой судья Кэди умеет обращаться с такими, как ты!

– Да как вы смеете? – Золотисто-зеленые глаза Белинды грозно засверкали. Руки ее сжались в кулаки, она почувствовала, как горячий гнев захлестывает ее. – Ах ты, наглая, низкая тварь! Я все расскажу кузену. Вы, должно быть, воображали, что можете дерзить родственнице своего хозяина, но сам он вряд ли так считает. Берегитесь, Ханна Эмори, – просто так вам это с рук не сойдет. Меня потом нелегко будет задобрить. Более того, мне известно, что в каждом колониальном городе есть колодки и позорные столбы для порки дерзких слуг, грубиянов и преступников. Я совсем не удивлюсь, если тебе как следует выплют за сегодняшнее поведение! – Договорив, она смерила отвратительную женщину холодным, торжествующим взглядом, но та, к ее удивлению, запрокинула голову и расхохоталась.

– Да что ты знаешь о здешней жизни? – спросила Ханна с самодовольной ухмылкой, и глаза ее сузились. – Ты сейчас очень высокого мнения о себе, Белинда Кэди, но еще до конца этого дня тебе преподнесут немало сюрпризов – попом-

ни мое слово. Так что давай подождем и посмотрим, как все обернется.

– Что вы имеете в виду? – спросила Белинда, внезапно почувствовав себя неуютно, но Ханна лишь плотно сжала тонкие губы, не произнеся больше ни звука.

Стараясь скрыть тревогу, Белинда обернулась к Саре, потрясенно слушавшей спорщиц. Взгляды их встретились.

– Не нравится мне все это, – вполголоса произнесла Сара, покусывая губы. – То ли эта женщина сошла с ума, то ли в нее бес вселился. Не понимаю...

– Я тоже, – призналась Белинда, – но уверена: все уладится, когда я встречусь с кузеном Джонатаном. Не беспокойся, Сара, ты ведь знаешь – я вполне способна за себя постоять. Все образуется, и наверняка найдется какое-нибудь безобидное объяснение поступкам этой недалекой женщины. Не бойся!

Однако, несмотря на свои бодрые слова, сама Белинда была сильно встревожена. Она никак не могла взять в толк, почему Ханна осмелилась обращаться с ней столь непочтительно. Белинда пыталась представить, что именно кузен рассказал про нее этой женщине. С каждой минутой ее все больше беспокоила предстоящая встреча с кузеном – что же он за человек, если у него такая прислуга?

– А как же ты, Сара? Давай я помогу тебе отыскать брата, а потом уже тронусь в путь.

– Нет, детка. Брат должен встретить меня сегодня на по-

стоялом дворе. Пока он приедет из Бостона, стемнеет, и на обратную дорогу у него уйдет целый день. – Сара, презрительно хмыкнув, повернулась к Ханне Эмори: – Будьте любезны, скажите мне, где находится таверна «Уикхэм», – я остановлюсь там, чтобы дождаться брата.

Ханна указала пальцем на обшитое брусом двухэтажное здание со скошенной крышей, стоявшее на главной городской улице. Окна его выходили на залив. Над дверью красовалась аккуратная вывеска: «Таверна "Уикхэм"».

– Вон, погляди, – буркнула она недовольно, – у тебя что, глаз нету?

Сара ощетижилась и хотела что-то ответить, но Белинда движением руки остановила ее:

– Не надо, Сара, не утруждай себя. Горбатого могила исправит. А теперь оставь нас и не беспокойся. Я найду управу на Ханну.

Слезы стояли в голубых глазах Сары, когда она в последний раз смотрела на свою воспитанницу.

– Да, вы с этим справитесь, но я надеюсь... – Она прикусила губу. – Берегите себя, мисс, и помните: нужно быть хорошей, почтительной девушкой. Не причинять никаких не...

– Да-да, Сара, я знаю. – Белинда была не в силах дальше выслушивать ее напутствия.

Наклонившись, она чмокнула Сару в щеку, потом обняла экономку. К ее удивлению, какой-то твердый комок застрял у нее в горле, а глаза защищало от слез.

– Прощай, Сара, – прошептала она, задыхаясь в объятиях старой верной служанки. – Мне будет ужасно тебя не хватать.

– О, мисс Белинда... – Сара Куки утерла навернувшиеся на глаза слезы и горестно посмотрела на девушку. – Я так за вас волнуюсь! Мне так хочется остаться с вами... заботиться о вас.

– Мы обе знаем, что это невозможно. – Белинда улыбнулась сквозь слезы и с жаром стиснула руки Сары. – Не печалься обо мне. Иди с миром и помни, что ты верно служила мне все эти годы и я тебя никогда не забуду. Сейчас наши пути разошлись, но я уверена: мы снова встретимся. Не бойся, моя дорогая Сара. Все будет хорошо.

Сара кивнула и, подняв свой тяжелый сундук, побрела к таверне «Уикхэм». Провожая ее взглядом, Белинда боролась с желанием побежать за ней, продето чтобы еще раз заглянуть в ее доброе лицо. Сара Куки была последней ниточкой, соединявшей ее с прошлой жизнью, с девическими годами в Суссексе. С этого дня рядом с ней не будет ни одного старого знакомого, ни единого человека, способного разделить с ней воспоминания о минувшем. Она теперь одна как перст. У Белинды перехватило горло, до того остро она ощутила свое одиночество. Чувство это захлестнуло ее, словно огромная волна. Ей вдруг безумно захотелось броситься на корабль и вместе с Сарой уплыть обратно в Англию. Может быть, все происходящее с ней сейчас – нелепый кошмар, и бабушка по-прежнему жива, и поместье по-прежнему принадлежит

им, и Брайен вовсе не загубил дело и не оставил их без гроша в кармане, вынудив...

Нет. Бесплезно предаваться подобным мечтаниям. Эта часть ее жизни завершилась, былого уже не воротишь. Будущее – вот что сейчас важно, вот к чему нужно готовиться. С досадой вспомнив о Ханне Эмори, Белинда медленно повернулась к ней, постаравшись придать своему лицу холодное выражение и скрыть переполнявшие ее грусть и тревогу.

– Я готова, – произнесла она спокойно. – Теперь мы можем отправляться.

И она пошла следом за Ханной по пристани, распрямив плечи, с высоко поднятой головой, словно солдат перед сражением. Ханна, не разжимая губ, подвела ее к некрашеному фургону, запряженному одной-единственной серой лошастью.

– Забирайся внутрь, да поживее, – приказала она. – Сейчас начнется дождь, а до поселка пять миль.

Белинда с усилием запихнула свой сундук в повозку и взгромоздилась на сиденье возле хмурой служанки. Ханна правила лошастью, а Белинда тем временем оглядывала окрестности. Туман, изморось и вечерний сумрак делали почти невидимыми обступавшие их темные чащобы. Какая же все-таки глушь эта колония в Массачусеттском заливе! Казалось, что деревья, сгрудившись, шепчут друг другу свои мрачные тайны. Проселочная дорога была узкой, ее обступали толстенные, узловатые деревья и холмы. Зрелище

оказалось настолько мрачным и безотрадным, что Белинда затосковала о большом пылающем камине – возле него можно было бы согреть руки, да и на душе стало бы светлее.

Создавалось впечатление, что лес господствовал надо всем. Его сила была настолько необузданной и дикой, что, похоже, могла поглотить любого, кто попытался бы ее укротить. Оглядываясь на окрестные холмы, на причудливые силуэты деревьев, Белинда старалась представить, что за люди населяют этот суровый край. Неужели они так же грубы и сумрачны, как эта земля? Она поежилась. Ну а кто же способен жить среди этих унылых холмов, непролазных чащ и не проникнуться их духом? Как можно воспротивиться темным силам природы, настолько варварским и могучим, что они, казалось, подчиняют своей власти каждый дюйм этих необъятных просторов? Как ни старалась Белинда избавиться от тревоги, дурные предчувствия продолжали одолевать ее.

Настроение стало еще хуже, когда морозящий дождь перешел в ливень, и ей, дрожащей как осиновый лист, пришлось накинуть на голову отсыревший капюшон. В какой-то момент Белинде показалось, что она разглядела сельский домик, стоявший в чистом поле, но сквозь мрачную завесу деревьев он проступал лишь неясным пятном, и полной уверенности у нее не было.

– Далеко ли еще до дома моего кузена? – прокричала она сквозь дробный стук дождевых капель, когда Ханна повернула лошадь в еще более дремучую чащу. Оголенные вет-

ки деревьев, словно уродливые черные лапы, прочерчивали мрачный узор на серо-зеленом небе, нависшем над их головами.

Ханна даже ухом не повела. Белинда стиснула зубы.

– Как далеко до дома моего кузена? – повторила она громче и настойчиво затеребила женщину за руку.

Ханна бросила на нее мрачный взгляд.

– Около трех миль, – ответила она хмуро. – Деревня Сейлем находится вон там, за пять миль от города.

– Она принадлежит той же общине? – Белинда решила непременно разузнать что-нибудь о своем будущем.

Поначалу она подумала, что кузен Джонатан живет в городке, просматривавшемся с пристани, но теперь ей стало ясно, что он обосновался в глуши. Чем дальше они отъезжали от города, тем пустыннее выглядела местность и тем больше падала духом Белинда. Она чувствовала себя отрезанной от цивилизации, от той деятельной людской суеты, к которой привыкла. Продрогшая, усталая, озабоченная предстоящей встречей с кузеном, она чувствовала, как безотчетный страх все больше овладевает ею. Страх, причины которого она не понимала, потому что была не из тех, кто предается нелепым фантазиям. И все-таки было в этих местах нечто такое, от чего ее бросало в дрожь. Стараясь избавиться от грустных мыслей, она спрашивала Ханну Эмори о здешней жизни, но, по мере того как они углублялись в темные колышущиеся заросли, ее беспокойство усиливалось. Все-таки добив-

шись ответа от неразговорчивой Ханны, она узнала, что, по сути дела, деревня Сейлем – это часть города Сейлема, хотя и является фермерской общиной, расположенной на значительном удалении от центра города. Фермеров, по словам Ханны, с горожанами почти ничто не связывало.

– У нас все на свой лад, – наставительно поясняла служанка Белинде. – Помни об этом, девочка, если собираешься жить среди нас. Деревенские знают праведный путь и знают, как поступать с заблудшими.

– Что вы имеете в виду? – спросила Белинда, стуча зубами от холода.

Ханна искоса взглянула на нее.

– Увидишь. Я покажу тебе, – ответила она и шелкнула кнутом по мокрой, блестящей спине лошади, пустив ее галопом.

Белинда уперлась руками в стенки повозки, которую начало швырять из стороны в сторону на раскисшей проселочной дороге. Несколько огненно-рыжих локонов выбилось из-под стягивавшей их шелковой ленты и, намокнув, прилипло к ее лицу, но девушка не заметила этого. Вглядываясь в непроглядный туман, она размышляла над словами Ханны.

Через некоторое время они выехали из леса на широкую опушку, на которой и раскинулась деревня. Здесь полукругом стояло несколько строений, а чуть поодаль была площадка с колодками и позорными столбами для порки. На противоположной стороне площадки примостилось уродли-

вое тюремное здание с крохотными, высоко расположенными оконцами с толстыми железными прутьями.

Повозка промчалась мимо, и Белинда так ничего толком и не рассмотрела, но все-таки успела заметить, что деревня словно вымерла и походила на памятник таинственно исчезнувшей цивилизации. Чуть погодя девушка услышала заунывное пение. Голоса, вначале едва различимые, доносились из-за деревьев.

– Что это? Куда мы едем? – спросила Белинда, вдруг поняв, что Ханна направляется как раз на этот звук.

Ханна не ответила. Кренящийся фургон все углублялся в лес, и наконец впереди, на расстоянии примерно ста ярдов, Белинда увидела людей. Они что-то произносили нараспев, некоторые несли погасшие факелы.

Осадив лошадь, Ханна направила ее вдоль движущейся колонны.

– Ребекка Сэмпсон, вы здесь? Ну как – свершилось? – выкрикнула она, и тучная женщина в алом плаще кивнула с довольной улыбкой.

– Да, праведники одержали верх, – отозвалась она, и нестройный хор голосов откликнулся:

– Аминь!

– Господин Кэди, наверное, уже вернулся домой, – пробормотала Ханна. – Но я должна увидеть это своими глазами. Придется нам поспешить.

Она торопливо закивала людям, которые бросали любо-

пытные взгляды на Белинду, и снова подстегнула лошадь. И пока они ехали, разрезая людской поток, Белинда не могла отделаться от ощущения, что все на нее смотрят.

Какой-то мужчина в темно-зеленом плаще даже вышел из колонны и окликнул Ханну.

– Кто это с тобой, Ханна Эмори?

– Эта девочка приехала, чтобы поселиться у господина Кэди. Ее зовут Белинда.

Незнакомец приблизился к повозке, стараясь получше рассмотреть Белинду, и взгляд у него был подозрительный и недружелюбный. Но девушка старалась убедить себя, что все это ей только чудится. Ей сейчас особенно сильно захотелось попасть в дом кузена, укрыться там от дождя и угрюмой толпы.

– Куда мы едем, Ханна? – спросила Белинда, когда они стали взбираться на невысокий холм. – Ведь вы сказали, что мой кузен уже вернулся и что он не любит ждать. Лучше бы нам поспешить домой. Мы обе вымокли и окоченели...

– Тс-с... – Ханна смотрела прямо перед собой, и глаза ее сверкали. Она вскинула руку. – А теперь гляди, Белинда Кэди, гляди в оба! Вот что бывает с теми, кто сворачивает с праведного пути!

Белинда проследила взглядом за ее пальцем. От того, что она увидела, у нее перехватило дыхание. На вершине холма стояла виселица, а на ней под порывами ветра безвольно покачивалась женщина. Черный плащ топорщился на без-

жизненном теле. Темные волосы развевались вокруг неестественно склоненной головы, прикрывая лицо несчастной от любопытных взглядов. От этого зрелища Белинде стало дурно. Руки инстинктивно потянулись к собственному горлу. О, какой ужас!

Стараясь совладать с приступом тошноты, она поспешно отвернулась:

– Кто... она такая? Что она сделала?

Ханна с удовлетворением смотрела на раскачивающийся труп:

– Элизабет Фостер. Она была ведьмой. И получила по заслугам за то, что вступила в сговор с дьяволом! – От жестких, торжествующих ноток в ее голосе Белинду пробрал озноб. – Я хотела сама взглянуть на это, но господин приказал взять и тебя.

– А кузен Джонатан... Он тоже был здесь сегодня? – спросила девушка едва слышно, с содроганием бросив еще один взгляд на фигуру повешенной.

– А как же, – усмехнулась Ханна и впиалась в Белинду своими маленькими карими глазками. – Он-то и приговорил ее к повешению.

Глава 3

Потрясенная, Белинда смотрела на Ханну Эмори.

– Кузен Джонатан... вынес... смертный приговор этой женщине? – повторила она недоверчиво, и Ханна кивнула:

– Мировой судья Кэди – очень важная фигура в этих местах. Что бы мы делали без него в прошлом году, когда наша деревня была проклята? Мне даже страшно представить.

– Деревня была проклята? Как это? Ханна прищурилась:

– Мы вступили в битву с дьяволом! Он наслал на нас целый сонм ведьм – ужасная напасть. Думаешь, Элизабет Фостер – единственная ведьма, нашедшая свою смерть на Холме виселиц? Нет, их множество! Тюрьма забита прислужниками дьявола, ожидающими своей участи – того момента, когда с ними расправятся праведные души вроде мирового судьи Кэди.

Белинда внимала ей молча, оцепенев. Она и прежде слышала об охоте на ведьм. Процессы над женщинами, занимающимися колдовством, время от времени проходили в Англии и по всей Европе. Но чтобы наблюдать это собственными глазами и чтобы целое поселение подверглось нашествию колдуний... Никогда еще Белинде не доводилось узнать, что ведьмы сосредоточились в одном месте! А именно так, судя по заявлениям Ханны, обстояло дело в Сейлеме. Белинда снова обернулась, словно замороженная, к виселице. Всего

каких-то несколько часов назад эта женщина была жива. А теперь...

– Что она сделала? – резко спросила Белинда, глядя на нелепо раскачивающееся тело Элизабет Фостер. Поднять взгляд выше, на лицо повешенной, было выше ее сил. – Почему ее объявили ведьмой?

Ханна надвинула шляпу на глаза. Дождь лишь накрапывал, но капли все так же стекали с полей ее шляпы и падали на коричневую шерстяную накидку.

– Во-первых, она навела порчу на Гуди Дунбар, – проговорила Ханна с остервенением, и губы ее сжались в тонкую полоску. – Вызвала у нее желудочные колики – и чуть не погубила! У коровы Гуди Дунбар в ту же неделю пропало молоко, а половину ее цыплят сожрала волчья стая! – Она натянула поводья, пустив лошадь вниз по склону холма, прочь от виселицы. – Дьявольские козни – вот что это было! Хвала Всевышнему, что ведьму вывели на чистую воду и предали смерти, прежде чем она успела натворить бед пострашнее!

Белинда удивленно вскинула голову.

– Как? – ахнула она. – Вы хотите сказать, что ее повесили потому, что у кого-то случились колики в животе? Это невозможно!

Ханна обернулась и злобно посмотрела на нее; ее прищуренные карие глазки поблескивали под тонкими бровями.

– У нас были неопровержимые улики! Ведьма Фостер поссорилась с Гуди Дунбар менее чем за две недели до того,

как все это случилось. А Фрэнсис Майлз привиделся сон, в котором ей открылось, что Элизабет Фостер – ведьма! Какие еще нужны доказательства?

Ее виновность не подлежит сомнению. Господин Кэди провел судебное заседание по всем правилам и вынес справедливый вердикт.

– Но это же несправедливо! – воскликнула Белинда. – Откуда вам знать, что именно Элизабет Фостер наслала на Гуди Дунбар болезнь или что из-за нее погибли цыплята, а корова перестала давать молоко? Все эти несчастья могли случиться одновременно лишь по чистому совпадению. А что касается того сна...

– Богохульство! – заорала Ханна и вlepила Белинде увесистую пощечину. Потрясенная девушка отшатнулась и приложила дрожащую руку к горячей щеке, а Ханна яростно выкрикнула: – Не смей больше произносить подобную дьявольщину, Белинда Кэди, а не то донесу на тебя господину! Уж он-то найдет на тебя управу!

Поскольку они снова въехали в лес, Ханна сосредоточила свое внимание на лошади и повозке.

Белинда молча смотрела на нее, едва сдерживая ярость. Затем заговорила негромко, угрожающе, и голос ее звенел:

– Никогда больше ко мне не прикасайся. Никогда! А не то пожалеешь, что на свет родилась!

Ничего не ответив, Ханна криво ухмыльнулась. Глаза ее сверкали зло и враждебно.

Белинда погрузилась в молчание. Куда она попала? Сердце ее сжималось от страха. Она поняла, что страх перед ведьмами в деревне Сейлем одержал победу над разумом, стал каким-то массовым помешательством. Судя по всему, даже самых призрачных улик было достаточно, чтобы осудить человека на смерть. Девушка дрожала и зябко куталась в плащ. Ее мысли вернулись к кузену. Боже, каков же он, этот человек, в доме которого ей предстоит жить?

Наконец повозка выехала из леса на обширную поляну, и Белинда увидела длинный прямоугольный дом с остро скошенной крышей. Он стоял посреди аккуратных полей; сбоку расположились сарай и амбар. Вечерние сумерки уже сгустились, но темная громада здания четко выделялась на фоне неба и казалась крепостью, возвышавшейся над окрестными пашнями, неприступным бастионом, обращенным к лесам и холмам. Окна, словно радушно зазывая, светились желтым теплом. Вот ее новый дом – к лучшему это или к худшему.

Белинда снова ощутила беспокойство, но, с другой стороны, она так давно жаждала обрести кров и домашний уют. Девушка вымокла до нитки, озябла и совершенно выбилась из сил. Когда лошадь встала перед зданием, Белинда немедленно выбралась из фургона.

Молчаливый слуга поспешил к ним, чтобы завести лошадь в сарай. Ханна приблизилась к массивным дубовым дверям и резко их распахнула. Белинда вошла внутрь и, поставив тяжелый сундук, огляделась по сторонам.

В большой прихожей, освещенной единственной тонкой свечой, царил полумрак. Впереди начиналась крутая, узкая, не покрытая дорожкой лестница. Прежде чем Белинда успела рассмотреть что-либо еще, из темноты раздался мужской голос:

– Ханна! Я в гостиной. Сейчас же приведи ко мне кухню.

Ханна схватила девушку за руку и потащила вперед, но Белинда с возмущением вырвалась.

– Доберусь без вашей помощи, – сквозь зубы прошипела она, и глаза ее засверкали при свете свечи. – Я уже говорила: не смейте прикасаться ко мне. Понятно?

Ханна осталась стоять с разинутым ртом, а Белинда, не дожидаясь ответа, стремительно прошла в гостиную. Сердце ее неистово билось, хотя при этом ей удалось сохранить уверенный вид.

Она очутилась в большой комнате с низким потолком и большими окнами. Свечи мерцали в поблескивающих подсвечниках, стоящих на красивой горке с фарфором. Пламя, гудевшее в широком кирпичном камине, отбрасывало тени, приплясывающие на стенах. Белинда мельком бросила взгляд на строгую, но изящную обстановку. Небольшой столик с раздвижными ножками и откидной крышкой, на котором покоилась винная фляга, длинный сосновый стол и низкая скамья, турецкий ковер на дубовом полу.

Девушка наконец посмотрела в глаза человека, который, в свою очередь, не сводил с ее лица пронзительного взгляда.

Джонатан Кэди величественно восседал за письменным столом в высоком резном кресле. Его большие костлявые руки покоились на подлокотниках. Белинда видела: по мере того как он молча разглядывает ее, его тонкие губы сжимаются все плотнее. Ей показалось, что 'за это время он ни разу не моргнул.

– Что-нибудь нужно, господин Кэди? – Голос Ханны раздался у нее за спиной столь неожиданно, что девушка подскочила от испуга, но тут же взяла себя в руки. Она вновь обратила все свое внимание на кузена Джонатана, а тот, ни на миг не отрывая взгляда от Белинды, ответил:

– Нет, Ханна, больше ничего. Оставь нас. Оставшись с кузеном наедине, Белинда попыталась улыбнуться.

– Кузен Джонатан, – начала она официально и сделала осторожный шаг вперед, – я очень рада, что наконец познакомилась с вами. Позвольте поблагодарить вас за то, что вы пригласили меня сюда, в ваш дом. Это... необычайно добрый, великодушный поступок, сэр.

Джонатан Кэди неторопливо кивнул. Это был высокий, тощий человек, напоминающий мертвеца. На его лице, узком и вытянутом, с заостренным подбородком, выделялась черная бородавка. Высокий лоб был продолговатым, нос с горбинкой – как у патриция. Тонкие губы он сжал с такой силой, что, казалось, их не было вовсе. В своем унылом черном жилете и черных же бриджах он выглядел степенным и скучным. Его глаза – вот что больше всего притягивало и

одновременно отталкивало Белинду. Маленькие, близко посаженные, бледно-зеленые и мутные, словно затуманенные. Никогда еще не встречала она глаз такого странного цвета и настолько лишенных человеческого тепла.

Белинда, в своих мокрых одеждах, с влажными, спутанными волосами, содрогнулась, когда взгляд этих странных, блеклых глаз скользнул по ее фигуре. Ей так хотелось, чтобы он пригласил ее поближе к огню или хотя бы предложил сесть и снять мокрый плащ, но кузен не проронил ни слова, с тех пор как она вошла в гостиную, и чувство неловкости становилось все нестерпимее. Что-нибудь не так? Неужели он даже не поприветствует ее, не скажет «добро пожаловать»?

– Можно... Можно я подойду к камину? – спросила она в конце концов. – После поездки под дождем я замерзла, кузен Джонатан. Вы не против, если я сниму мокрый плащ?

Она начала раздеваться, но кузен, вскочив, остановил ее. Белинда замерла, глаза ее широко раскрылись – он выглядел как безумец. Кэди подошел ближе, и его блеклые глаза засверкали. Схватив Белинду за нежный подбородок, он наклонил ее голову:

– Так вот ты какая – дочь кузена Артура и его французской женушки! Этого следовало ожидать. Подобные романы к добру не приводят.

Белинда вся съежилась. Она медленно протянула руку и отвела его ладонь. Вглядываясь в хмурое лицо своего покровителя, девушка чувствовала, как в ней закипает гнев. Да,

действительно, ее мама, Лизетт, французская дворянка, покинула дом и семью ради замужества. По причине длительной вражды между англичанами и французами многие не одобряли этот брак, и кузен Джонатан явно принадлежал к их числу. Но Белинда хорошо помнила, с какой нежностью относились друг к другу ее родители, и язвительный тон кузена возмутил ее.

– Да, моя мама была француженкой, – ответила она холодно, глядя ему прямо в глаза. – Настоящей красавицей и в высшей степени достойной женщиной. Жаль, что вы не имели удовольствия быть знакомым с нею, кузен.

Он фыркнул:

– Твой отец был болваном! Все французы – дьяволы, все до одного. Поживешь здесь немного – и сама убедишься в этом. Нас, зажатых между французами и индейцами, могут раздавить в любой момент. А посему возьми за правило никогда больше не произносить в этом доме имя твоей матери. Поняла?

– Нет, – воскликнула Белинда, и ее щеки порозовели от гнева, – не поняла. Моя мама не сделала ничего дурного ни вам, ни любому другому англичанину! Она была доброй женщиной и настоящей леди!

– Она была француженкой, и этого достаточно, чтобы не упоминать ее имя в моем доме. – Кэди презрительно хмыкнул, потом резко повернулся и подошел к своему креслу. – А теперь можешь снять плащ и сесть на эту скамью, кузина.

Я хочу получше тебя рассмотреть.

Ее грудь все еще возмущенно вздымалась, и все-таки она подчинилась. Белинда с облегчением сбросила мокрый плащ и повесила на крючок возле огня. Потом присела на жесткую деревянную скамью, на которую ей указал Джонатан. Так уж было заведено, что дети никогда не садились на стулья – только на табурет или на скамью. Правда, она уже далеко не ребенок, и кузен мог бы предложить ей маленький мягкий стул возле камина, но что поделаешь? Белинде пришлось сидеть на жесткой скамье, вдали от огня. А ведь она промерзла до костей, и тело ее так жаждало тепла! Когда Джонатан снова принялся ее разглядывать, Белинда ответила ему вызывающим взглядом, и глаза ее вспыхнули как пламя. Сначала служанка, а теперь сам кузен Джонатан! Белинда не могла вынести столь бесцеремонного обращения, и ее раздражение становилось все сильнее.

Джонатан Кэди внимательно наблюдал за выражением ее лица. Он уже заметил длинные, густые огненно-рыжие волосы, убранные со лба и схваченные зеленой шелковой лентой. Несколько прядей выбились, упали на лицо и поблескивали в свете пламени, словно золотые нити. Хорошенькое, нежное личико, лучистые глаза, атласная, персикового цвета кожа. И что особенно будоражило его чувства – пышная грудь и тонкая талия, скрытые под многочисленными складками зеленого шелкового платья. Да, она была очень хороша собой, эта Белинда Кэди, его родственница. Искуситель-

ница. Женщина-ребенок, знавшая, как раздражить мужчину, как свести его с ума. Его костлявые руки сжались в кулаки. Такая женщина приносит несчастья и сбивает мужчин с пути добродетели и приличий. Он-то ожидал увидеть серую мышку, которая даже рот раскрыть побоится и в страхе кинется выполнять все его приказания. А между тем перед ним оказалась красотка. Упрямая, своенравная красотка – вот кто она такая! Он уже понял это. И когда Белинда обожгла его враждебным, яростным взглядом, еле заметная улыбка искривила губы Джонатана. Ничего, он укротит ее. Непременно укротит. Его долг, его обязанность – ограждать общину от подобных соблазнов. Он подчинит эту дерзкую девчонку своей воле, приучит бояться и почитать его и законы нравственности. Он не позволит ей терзать кого-нибудь так же жестоко, как в свое время терзали его самого.

– Ты не такая, как я предполагал, кузина Белинда, – медленно проговорил он, сплетя пальцы. – Твоя внешность огорчает меня.

Девушка недоверчиво посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Тут уж я бессильна, кузен Джонатан, – бросила она с вызовом, сжав руки на коленях. – Моя наружность дана мне при рождении. Если вы ею недовольны, советую обратиться свои жалобы к нашему Создателю, пусть Он и держит перед вами ответ!

– Не смей препираться со мной, наглая девчонка! – Джо-

натан наклонился вперед, и его вытянутое, бледное лицо вспыхнуло от гнева. – Я не потерплю дерзости – и богохульства тоже! Сиди, слушай меня, и попрिдержи язык. Ты не заговоришь снова без моего разрешения. Тебе ясно?

Белинда смотрела на него с растущим возмущением. До сих пор ей приходилось общаться только с жителями тихой деревушки, жизненный опыт ее был невелик, но, будучи девушкой неглупой, она сразу поняла, что перед ней настоящий тиран. Да, Джонатан Кэди, человек с маленькими, холодными глазками и орлиным носом, был истинным тираном. И вдобавок влиятельным членом общины – Ханна Эмори ей это уже продемонстрировала. Ему, мировому судье, человеку, обладавшему властью и авторитетом, явно нравилось диктовать другим свою волю. В том числе и ей – на этот счет у Белинды не было особых сомнений. Каждый мускул ее нежного тела дрожал от гнева. Она, привыкшая к свободе, любившая бегать босиком, с распущенными волосами по лесам и лугам, инстинктивно восстала против его тона и поведения. Покориться этому человеку с кислой миной и пренебрежительной ухмылкой? И что же ожидает ее в будущем? Новый опекун совершенно не оправдал ее ожиданий, и Белинда боролась с диким, отчаянным желанием тотчас броситься вон из этой комнаты, из этого дома. Впрочем, это было бы полным идиотизмом. Куда она отправится? К кому? На чем? Сейчас Джонатан – ее опекун, и ее судьба в его руках. И хотя при этой мысли сердце девушки сжималось от

тоски, Белинда старалась не падать духом.

Стойко выдержав суровый взгляд, девушка с невозмутимым спокойствием ответила:

– Да, кузен Джонатан, вы высказались вполне ясно. Как видите, я подчиняюсь, но только потому, что у меня нет другого выхода.

Его взгляд стал еще холоднее.

– Очень хорошо. Тогда я продолжу, и советую тебе слушать как можно внимательнее. – Он принялся медленно прохаживаться по гостиной, заложив руки за спину. – Когда я приглашал тебя в свой дом, кузина Белинда, то рассчитывал увидеть девушку совсем иного склада. Обыкновенную девушку. Но ты не такая – это сразу заметно. Ты выглядишь... броско, и это мне не по нраву. Чрезмерно привлекательные молодые женщины вроде тебя обычно склонны к лени, они только и делают, что любуются собой. Такое поведение недопустимо в моем доме. Я, как ты знаешь, довольно заметный человек в деревне Сейлем, и мой домашний уклад призван служить примером для всей общины. Твоя внешность, твоя манера разговаривать, твое поведение привлекут всеобщее внимание, и это отразится на мне. А потому я намерен держать тебя под строгим присмотром. – Остановившись у камина, Джонатан обратился к ней нахмуренное, суровое лицо. – Ты будешь всегда носить чепец. Это первое обязательное для тебя правило. – Он приподнял длинную прядь ее восхитительных волос и неторопливо ошупал. – Твои огненные во-

лосы, – произнес он негромко, – это знак дьявола, вызов благопристойности, символ адского пламени. Ты должна их прятать. Никто в Сейлеме больше не увидит твоих волос. С этого дня лучше не попадайся мне на глаза без чепца! Ты поняла?

Белинде хотелось крикнуть, топнуть ногой, в ярости замататься по комнате, но внутренний голос предостерегал, что такое безрассудство выйдет ей боком. С огромным усилием подавив свой порыв, она процедила сквозь зубы:

– Я поняла.

– Вот и прекрасно. Что же касается твоих нарядов, то запомни: здесь важнее всего умеренность и практичность. Мы приняли в колонии Массачусетсского залива закон, запрещающий представителям низших классов носить одежду, не соответствующую их общественному положению. Так что никаких излишеств вроде оборок, кружев, шелков и тому подобного.

– Простите, кузен Джонатан, – гневно перебила его Белинда, не в силах больше сдерживаться, – но меня едва ли можно отнести к низшим слоям общества. Мой отец был сквайром, мать – дворянкой, а вы – единственный из моих родственников, оставшийся в живых, – представились мне как влиятельный член этой общины...

– Молчать! – рявкнул Кэди, и глаза его засверкали от ярости. – Не смей меня перебивать, девчонка, а не то я тебя высеку!

Приподнявшись, кузен навис над ней, дрожа от злости, и Белинда испугалась, что он и в самом деле способен выполнить свою угрозу. Побледнев, она смотрела на него с плохо скрываемой ненавистью. Следующая тирада кузена окончательно ее добила. Каждое его слово разило наповал.

– Ты, очевидно, находишься в плену каких-то иллюзий, кузина Белинда, если рассчитываешь занять привилегированное положение в местном обществе. Каково бы ни было твоё происхождение, сейчас ты сирота без гроша в кармане. Лишь моя щедрость избавила тебя от нищеты и, возможно, голода. Я даю тебе пристанище, надежную крышу над головой и пищу. И соответственно, требую за это беспрекословного послушания.

Белинда вскинула глаза, готовя себя к тому, что он скажет дальше.

– Я рассчитываю, что в благодарность за кров и покровительство прилежным трудом ты оправдаешь свое пребывание здесь, – холодно продолжал Кэди. – Моя служанка, Ханна Эмори, уезжает через неделю. Ее сестра захворала, и Ханна отправится в Андовер ухаживать за ней. Твоя обязанность – заменить ее в домашних делах.

Белинда ахнула:

– Вы это серьезно? Я... я стану вашей прислугой?

Не сказав ни слова, Кэди отправился в угол гостиной и взял с полки березовую розгу. Затем вернулся к Белинде и занес розгу над ее головой. Прежде чем девушка успела по-

шевельнуться, розга со свистом стегнула ее по лопаткам. Белинда вскрикнула и упала со скамьи.

Пока девушка лежала на полу и всхлипывала, Кэди стоял над ней, не выпуская розги из рук.

– Я предупреждал: не надо меня перебивать. А теперь поднимайся и садись на скамью – молча.

Слезы бежали у Белинды по щекам. Никогда в жизни с ней не обращались так ужасно. Ей хотелось наброситься на Джонатана Кэди, расцарапать ему лицо, укусить его, пнуть, ударить. Или побежать к кому-нибудь за помощью и утешением. Вместо этого она поднялась, морщась от обжигающей боли в плечах, и снова села на жесткую скамью. Голова ее поникла, плечи вздрагивали.

В воображении возникали картины прошлой жизни: великолепный особняк в суссекской усадьбе, собственная комната с кроватью под желто-белым атласным балдахином, Сара Куки, принеся на подносе чай и булочки с маслом... Ей опять привиделась бабушка: она улыбалась, глядя на внучку, мечтательно смотревшую на огонь в гостиной. Твердый комок подступил к горлу. Такая чудесная, простая жизнь ушла – ушла безвозвратно! О, почему все так переменялось? Как вышло, что она оказалась здесь, в холодном, мрачном доме, в массачусетской глуши, в качестве служанки этого отвратительного типа?

Горькие слезы потекли рекой. Ей предстоит прислуживать, угождать кузену во всех его прихотях, драить полы,

подчиняться его указаниям, или... или от нее добьются подчинения силой. Белинду буквально разрывало на части от такого унижения, от несправедливости, но поделаться она ничего не могла.

Сквозь ее рыдания пробивался резкий голос, неумолимо внушающий:

– Ты должна научиться повиновению, маленькая кузина. Это самое главное. Впредь не вступай в разговор, пока я не разрешу. Иначе тебя ждет куда более суровое наказание.

Кэди хлопнул себя розгой по ладони и снова принялся расхаживать туда-сюда, поскрипывая тяжелыми черными башмаками.

– Как я уже объяснил, Ханна Эмори в течение недели ознакомит тебя с твоими обязанностями, а пока я надеюсь, что ты станешь работать с ней рука об руку и усвоишь все, что от тебя требуется. Доверься ей во всем, и она научит тебя, как должным образом прислуживать в этом доме. Начнешь с утра. Поскольку это твоя первая ночь после долгого путешествия, я решил дать тебе отдых.

Он положил розгу обратно на полку и снова повернулся к ней с едва заметной жестокой усмешкой. Это было самое безжалостное лицо, которое она когда-либо видела.

– Сейчас Ханна покажет тебе твою комнату. А потом, когда ты приведешь себя в подобающий вид, наденешь чепец и сменишь платье, можешь спуститься на кухню и поужинать. Думаю, с обеда осталось немного мучного пудинга и черно-

го хлеба. Я сегодня буду есть здесь, в гостиной, и хочу, чтобы меня больше не тревожили. У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Белинда не отрываясь смотрела на Джонатана. На щеках отпечатались следы слез, золотисто-зеленые глаза сверкали ненавистью.

– И как долго я буду работать на вас, кузен? – спросила она негромким, сдавленным голосом, крепко стиснув лежавшие на коленях руки. – Даже слуг, связанных кабальными договорами, освобождают по истечении определенного срока. Сколько будет продолжаться мое рабство?

Он пристально оглядел ее своими странными, блеклыми глазами, и уголок его рта приподнялся в кривой ухмылке.

– Как только я сочту, что настал подходящий момент, начну подыскивать тебе мужа, маленькая кузина. Какого-нибудь серьезного, основательного человека, который сумеет побороть твою праздность и лень. И позаботится, чтобы ты находилась под должным присмотром. Не бойся, твоя служба в этом доме будет длиться не вечно. Но, – заключил он, слегка поведя плечами, – ты только приехала. И ближайшие несколько лет тебе предстоит провести здесь. – Он хмыкнул и обвел рукой комнату. – Это все. Ты свободна.

Кузен кликнул Ханну, и через несколько секунд та появилась в длинном белом переднике и чепце.

Ее ястребиное лицо сияло от злорадства, и Белинда догадалась, что служанка подслушала весь разговор. До крови

закусив губу, она поднялась и со спокойным достоинством направилась к женщине.

– Покажи кухне ее комнату, – приказал Джонатан Кэди, – а потом принеси мне ужин.

Он повернулся к Белинде, и на его костистом лице появилось надменное выражение.

– Сожалею, кухня, что наша первая встреча оказалась столь мрачной. Однако было необходимо ознакомить тебя с реальным положением вещей. Уверен – больше у меня не возникнет необходимости в подобных действиях. Искренне надеюсь, что мы поладим и что ты с удовольствием заживешь в своем новом доме.

Белинда гордо выпрямилась, повернулась к Джонатану, и глаза ее заблестели.

– Вы приняли меня с исключительным радушием, кузен. И я, уверяю вас, этого никогда не забуду, – ответила она, вскинув подбородок. – Даже не знаю, как отблагодарить вас за такую встречу. Может быть, однажды я найду способ это сделать.

Не дожидаясь ответа, Белинда резко повернулась и выскочила из гостиной. Ханна направилась следом за ней. Вместе они взобрались по крутым деревянным ступенькам узкой лестницы.

Взору Белинды предстала комната, в которой стояли железная кровать с гобеленовым покрывалом, большой резной дубовый сундук, секретер и два стула с зелеными вышитыми

пуфами.

– Это комната господина, – пояснила Ханна. – К ней при-
мыкает маленькая общая комната, которой господин пользу-
ется время от времени. Ты будешь как следует мыть и скре-
сти ее, как и все остальные помещения.

Белинда повернулась к ней:

– А где твоя спальня – и моя?

– Глупая девчонка, я не ночую в этом доме. Куда бы это
годилось – ведь госпожи-то нет. Я живу в домике на том кон-
це дороги, с Картерами, Уиллом и Пейшенс¹. Уилл Картер
работает у господина на ферме, а его мальчик, Сит, – конюх.
Это он увел лошадь с фургоном, когда мы подъехали.

– Понятно. Но где я буду спать? – устало спросила Белин-
да. – Я не вижу на этом этаже других комнат.

Ханна ядовито усмехнулась:

– Сюда, моя милая леди. Иди за мной.

Она подвела Белинду к шаткой деревянной лестнице с пе-
рекладинами, стоявшей в дальнем углу комнаты, и показала
наверх.

– На чердаке – вот где ты будешь спать. Да, там немного
прохладно, темно и душно, но таким, как ты, ведь все ни-
почем, верно? – Ее смех гулко прокатился по полутемному
коридору. – Пока это все. Вот твой сундук. Когда пригото-
вишься к ужину, сама найдешь дорогу на кухню. А нет – бу-
дешь ходить голодной. Мне все равно.

¹ Уилл – воля, Пейшенс – терпение (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

Продолжая посмеиваться, она направилась к узким ступеням и растворилась в полумраке.

Белинда медленно, с трудом вскарабкалась по лестнице на чердак, таща за собой сундук. Добравшись до верха, она обнаружила маленькую мрачную комнату. Сальная свеча в подставке стояла возле входа, на крошечном квадратном комоде. Девушка зажгла ее дрожащими пальцами и притворила дверь. Потом оглядела уродливую клетушку. Холодное, унылое место. Потемневшие, обшитые брусом стены, пыльный дощатый пол. Маленькое квадратное окошко в дальней стене. На полу, возле комода, тощий тюфяк, застеленный выцветшим одеялом. Под ним – простыни, грубые, пожелтевшие от времени. На комоде, возле подсвечника, старые кувшин и миска.

Удрученная, Белинда почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы. Воздух был затхлый, пыль забивалась в ноздри. Она закрыла лицо руками. Что ей делать? Как вынести все это?

Измученная девушка присела на соломенный тюфяк, ставший теперь ее постелью. Она прерывисто всхлипывала от боли, страха и одиночества. Никогда еще Белинда не ощущала себя такой несчастной, такой потерянной. В голове загудело, и по телу пробежала дрожь, когда она наконец дала волю слезам.

Когда Белинда снова подняла голову, она почувствовала, что силы ее иссякли. Снова пошел дождь: ночь за окном

была наполнена громовыми раскатами и завываниями ветра. Студеный, сырой воздух проникал через щели в стенах и скошенном потолке, обдавая холодом. Белинда горестно вздохнула.

Одно она знала наверняка: она не сможет жить здесь, с этим деспотом, прислуживать ему, кланяться и наводить чистоту. Это для нее неприемлемо. Но что можно сделать? Кузен Джонатан позвал ее в колонию, чтобы сделать своей прислугой, и бежать ей некуда. Пока некуда, подумала вдруг Белинда, и взгляд ее оживился.

– Возможно, я найду выход, – прошептала девушка, и ее глаза заблестели. Да-да, она сделает вид, что смирилась, прикинется жалкой, безвольной марионеткой, а потом вырвется отсюда! Сидя на чердачном полу, она молила Господа о том, чтобы освободиться от этого рабства и обрести новую жизнь – где угодно, только не здесь!

Белинда наклонилась к окну и заглянула в черные хляби, туда, где бушевало ненастье, туда, где притаилась, в своей первобытной дикости, Новая Англия с темными силуэтами деревьев и таинственных холмов. «Я одолею их всех, – мстительно поклялась девушка, и, стоя на коленях перед окном, взмахнула маленьким кулачком. – Я отвоюю свою волю и счастье, и пусть Бог хранит того, кто лбом встанет на моем пути! Я непременно обрету свободу!» Она прижалась к ледяному стеклу и закрыла глаза, собираясь с силами перед новыми испытаниями.

Глава 4

Когда заря робко проступила на сером зимнем небе, Белинда заворочалась на соломенном тюфяке и протерла глаза. Все тело ломило, а голову словно набили ватой. Белинде хотелось бы проспать до полудня, но она не могла позволить себе и минутной проволочки. В течение ближайшего полу- часа кузен Джонатан пожелает, чтобы ему подали завтрак, а перед этим ей еще многое нужно успеть.

Белинда застонала и села, поеживаясь от утренней прохлады. Она прожила в Сейлеме уже неделю и стала привыкать к повседневной рутине. К ее огромному облегчению, два часа назад уехала Ханна Эмори, перед отъездом дотошно, до мельчайших подробностей изложившая новой служанке ее обязанности. Жесткий распорядок не оставлял никакой возможности для отдыха или развлечений. Даже на еду отводилось совсем немного времени, а пища подавалась самая простая. Ненависть Белинды к новому дому крепла с каждым днем. Она постоянно думала о побеге.

Дрожа от холода, она сполоснула лицо и руки ледяной водой, принесенной из колодца накануне вечером. Быстро оделась в темноте, заочевенными пальцами застегнула пуговицы простого черного шерстяного платья, размеренными, быстрыми движениями расчесала огненные волосы, тщательно собрала их в пучок и стянула черной лентой. Потом

надела белый кружевной чепец. «Я похожа на старую, уродливую каргу», – с горечью подумала она. Лишенная зеркала, Белинда не знала, что ни темным, грубым одеждам, ни целомудренному чепцу не дано испортить ее живой красоты.

Девушка торопливо спустилась с чердака и, сбжав по ступенькам, проскользнула в комнату кузена Джонатана. Ее первой обязанностью было выгрести пепел, оставшийся в камине со вчерашнего вечера, потом с помощью сосновых щепок снова развести огонь, чтобы и в кухне, и в гостиной воцарилось уютное тепло. Затем она набросила плащ и выбежала на улицу, чтобы принести колодезной воды. С трудом, дрожа от утреннего мороза, Белинда подтащила к дому тяжелое деревянное ведро, до краев наполненное водой.

Когда она вошла, кузен Джонатан как раз спускался по лестнице с таким же суровым, не улыбочивым выражением лица, как обычно. Взглянув на ненавистного тирана, Белинда почувствовала, как ее передернуло от отвращения.

– Доброе утро, кузина, – произнес кузен холодно, прошептав мимо нее в гостиную. – Будь любезна, поторопись с завтраком. Сегодня мне предстоят важные дела в молитвенном доме.

Белинда скорчила у него за спиной гримасу и, отнеся воду на кухню, принялась готовить мучной пудинг в специальном железном котле. Потом, пока закипала вода для кофе, подогрела в духовке вчерашние маисовые лепешки. Она знала, что за дела у кузена в молельном доме, и с удовольствием по-

мешала бы ему явиться туда. Происходило очередное судилище над ведьмами, и сегодня Кэди, как главному мировому судье этой деревни, снова предстояло вынести приговор.

На сей раз судили женщину средних лет, вдову, мать пяти-шести детей. Как слышала Белинда, все улики против нее сводились к обвинению, выдвинутому Фрэнсис Майлз, восемнадцатилетней девицей, принадлежавшей к одному из самых почитаемых сейлемских семейств. Та утверждала, что вдова «истязала» ее при помощи черной магии. Это подтвердили друзья Фрэнсис.

Какая чушь! Женщине грозит смерть из-за свидетельских показаний горстки суеверных, мнительных девчонок. Белинда не была знакома ни с обвиняемой, вдовой Смит, ни с Фрэнсис Майлз, но Гудуайф Флетчер, жившая в миле от дома Кэди, призналась ей сегодня, что она просто уверена – девица Майлз лжет.

– Ей нравится находиться в центре внимания, устраивать все эти припадки и обмороки, – прошептала Гудуайф, спокойно озираясь по сторонам, желая убедиться, что их не подслушивают. – Думаю, по большей части она просто выдумывает все свои хвори... – продолжала она, покачав седой головой. – Но что тут поделаешь?

– Но кто-то же должен сказать об этом! – воскликнула Белинда, с досадой глядя на сердобольную толстуху, одну из немногих, кто благожелательно отнесся к ее появлению в деревне. – Нельзя допускать, чтобы она оговаривала невинных

людей – ведь их потом судят за колдовство и вешают... Это ужасно!

Гудуайф Флетчер устало кивнула, и ее голубые глаза стали еще грустнее.

– Некоторые попытались выступить против нее и ей подобных. Тогда их тоже обвинили и повесили, как и остальных. Прямо не знаю, как быть. Стоит не согласиться с этими девочками, как деревенские станут косо на тебя поглядывать. У меня не хватает духу даже видом своим показать истинное отношение ко всему, что здесь творится. Но... я не одобряю. Да, детка, не одобряю. – Женщина заплакала. – Есть и другие люди, которые думают так же, как я. Но нас слишком мало, и мы не смеем восстать против тех, кому на каждом углу мерещится ведьма. Не смеем высказать вдруг сомнения, даже проявить жалость к тем, кого судят.

Эти признания потрясли Белинду. Утром, прислуживая Джонатану за завтраком, она думала о вдове Смит, заточенной в ужасную тюрьму, в оковах ожидающей, пока решится ее судьба. Надо высказаться, напряженно размышляла девушка, хотя внутренний голос взывал к благоразумию. «Нельзя допустить, чтобы женщина погибла, и даже не попытаться переубедить кузена! Я не могу».

Белинда набрала побольше воздуха в легкие.

– Кузен Джонатан, – начала она с деланным спокойствием, наливая кофе в его блестящую оловянную кружку. – Могу я поговорить с вами... о суде над вдовой Смит?

Кэди смерил ее презрительным взглядом:

– Что ты можешь знать об этом, девчонка? Ты ведь не ходила в молельный дом.

– Н-нет... но я слышала об этом процессе от... от разных людей, – промямлила Белинда, боясь чем-нибудь выдать Гудуайф Флетчер. – И должна сказать вам, кузен, что не понимаю, как можно по первому слову Фрэнсис и ее подружек судить такую женщину, как вдова Смит. Говорят, это достойная женщина, которая за всю свою жизнь никому не причинила зла.

– Кузина Белинда! Ты обвиняешь несчастных, измученных девушек в лжесвидетельстве? – с нажимом спросил Джонатан. Его маленькие, близко посаженные глазки излучали холодный свет.

– Нет... Нет, просто... Я не знаю. Может быть, они лгут, а может быть, девушкам всего лишь показалось, что кто-то истязает их при помощи колдовства...

– Довольно болтать! Ты просто не видела, как они рыдали в суде. Не слышала их истошных криков... Дьявол орудует исподтишка и подбирает себе в услужение весьма неожиданные кандидатуры. Ясно, что вдова Смит попала на его крючок и действует в его интересах, и мой долг – остановить ее. Я обязан защитить людей!

– Неужели вы даже не можете предположить, что тут кроется ошибка, чудовищное недоразумение? – воскликнула Белинда и посмотрела на Кэди умоляюще, но он ответил ей

взглядом, исполненным ледяного презрения.

– Молчать! Да кто ты такая, чтобы давать мне советы относительно законности и правосудия? Займись домашними делами, девчонка, и не испытывай больше моего терпения!

Он решительно зашагал через комнату и снял с вешалки у двери свой длинный алый плащ.

– Кузен Джонатан, вы не можете так поступить! Вы не должны отправлять на смерть ни в чем не повинную женщину!

Джонатан медленно повернулся к девушке, и она прочла непреклонность в его холодных, жестоких глазах.

– Еще одно слово, кузина Белинда, и я посажу тебя в колodки на целый день. Может быть, тогда ты научишься держать язык за зубами. – Открыв дверь, он чуть помедлил и снова взглянул на нее. – Скоро должна прийти Люси Бруер, служанка Майлзов. Она принесет одежду, которую нужно расшить для мисс Фрэнсис. И не вздумай болтать с ней и бездельничать. Поскорее выпроводи ее и возвращайся к домашним делам. Я вернусь обедать в середине дня и надеюсь, что ты накормишь меня как следует.

Он плотно притворил за собой дверь.

Убирая со стола, Белинда боролась с искушением запустить через всю комнату оловянным блюдом. Покусывая губы, она мрачно размышляла, не навредила ли еще больше вдове Смит своим заступничеством, вместо того чтобы помочь. Ей до сих пор не верилось, что подобные вещи тво-

рятся в такой тихой с виду, маленькой деревеньке. А скольким людям еще суждено погибнуть, прежде чем закончится эта жуткая охота на ведьм? Кто станет следующей жертвой разыгравшегося воображения Фрэнсис Майлз?

Тут она увидела девушку, идущую по дороге к дому, и узнала в ней служанку Фрэнсис Майлз. Белинда оставила груды тарелок и, поспешив к дверям, распахнула их навстречу медленно наступающему дню. Теперь, когда солнце стояло в зените, мороз почти не чувствовался в свежем мартовском воздухе, и Белинда лишь слегка поежилась, наблюдая за приближавшейся к дому фигуркой.

Люси Бруер, тоненькая девушка лет семнадцати, одетая в длинный серый плащ, быстро шагала по тропинке с корзиной в руке. В солнечном свете ее черты казались размытыми и невыразительными, но стоило Люси подойти поближе, ступив в тень деревянного дома, как стало видно, что девица прехорошенькая. Светлая, матовая кожа, бархатистые карие глаза и пепельные волосы, маленький точеный нос, прелестный подбородок и необычайно изящные руки.

Люси приблизилась и робко улыбнулась Белинде:

– Доброе утро, госпожа Кэди. Я принесла кое-что из нарядов моей хозяйки, которые она хотела бы расшить. За то короткое время, что вы живете в Сейлеме, все успели узнать, как искусно вы владеете иглой.

Белинда скептически усмехнулась. Обнаружив, что она великолепная швея, кузен Джонатан, не тратя времени да-

ром, стал торговать ее мастерством. Вдобавок к дневным хлопотам по дому она каждый вечер по нескольку часов расшивала изящными тонкими стежками богатые наряды из кружев и шелка для местной знати. Беднякам запрещалось носить украшения, зато богачи и власть имущие беспрепятственно выставляли напоказ свои сокровища. Белинда хоть и усматривала в этом безвкусицу и лицемерие, все же была благодарна за подвернувшуюся работу. Кузен Джонатан позволял ей оставлять себе половину выручки от шитья, и она втайне надеялась скопить немного денег – они помогли бы ей вырваться на свободу.

Белинда гостеприимным жестом пригласила Люси Бруер в дом.

– Пожалуйста, называй меня Белинда, – сказала она девушке и улыбнулась. – Я такая же служанка, как и ты. Так к чему все эти церемонии?

Счастливая улыбка озарила лицо Люси.

– Вы очень добры. Спасибо, Белинда. Девушка открыла корзину и достала оттуда веерообразный воротник и винного цвета платье с бело-розовой атласной юбкой. Тонкие яркие ткани окружили ее маленькую фигурку в сером плаще, словно облака, подкрашенные радугой. Она почтительно отдала наряды Белинде.

Белинда поняла, что сама Люси Бруер в жизни не носила подобной роскоши. Нет, шелк и атлас предназначались таким, как Фрэнсис Майлз, а не служанкам. В бархатных ка-

рих глазах девушки не было зависти, когда она отдавала Белинде это великолепиие. И все-таки если одеть Люси понаряднее, она станет настоящей красавицей, подумала Белинда. Ее отличали спокойная грация и элегантность, которые не скрывала даже грубая домотканая одежда. В роскошном платье с кружевным воротом, с шелковыми цветными лентами в светлых волосах, она затмила бы любую знатную особу. К несчастью, подумала Белинда, Люси никогда не представится такой возможности. Она служанка, и, облачившись в пышные наряды, даже будь они ей по карману, навлекла бы на себя суровые порицания.

Мягкий голос Люси прервал ход ее мыслей.

– Госпожа Майлз хочет, чтобы вы украсили оборками и кружевами юбку и рукава. Она также просила оторочить кружевами ворот.

Белинда кивнула, ощупывая мягкую ткань:

– Очень хорошо. К какому сроку нужно сделать работу? Я уже получила несколько заказов, и их, само собой разумеется, нужно выполнить в первую очередь.

В глазах Люси промелькнула тревога.

– Да-да, я понимаю, но... но госпожа Фрэнсис хотела бы, чтобы вещи были готовы к концу недели. Она... Она не слишком терпеливая дама.

Белинда тряхнула головой, подумав о девице, которая явилась причиной гибели стольких жителей деревни. Да, возможно, всех остальных обитателей Сейлема Фрэнсис

Майлз уже запугала, но ее – нет.

– Так пусть наберется терпения. По крайней мере на этот раз, – холодно ответила она Люси.

Та широко раскрыла глаза:

– О, пожалуйста... Белинда, нельзя ли как-нибудь побыстрее? Я боюсь, что госпожа Фрэнсис очень рассердится!

– В самом деле? – Нежное лицо Белинды выразило решительность. – Ну и на здоровье. Я руководствуюсь в работе собственным распорядком, а не желаниями Фрэнсис Майлз.

Тревога Люси росла. Девушка нервно заломила руки:

– Но она... особо обговорила со мной, что хочет получить свое платье немедленно. Это... Это приказ!

– В таком случае ее ждет разочарование. Это невозможно.

К изумлению Белинды, лицо Люси вдруг сморщилось. Она залилась слезами, ее рыдания гулко отдавались в тихой, залитой солнцем гостиной. Белинда посмотрела на нее с досадой:

– Пожалуйста, успокойся. Объясни мне, в чем дело? Я не понимаю!

Люси закрыла лицо руками, горестно всхлипывая. Однако она позволила отвести себя к сосновой скамье, стоявшей возле стола, и присела вместе с Белиндой. Белинда обняла ее за плечи и мягко заговорила:

– Это ведь твоя госпожа, правильно? Ты боишься ее? – Когда Люси кивнула, она закусила губу. – Ты хочешь сказать, что если за неделю наряды не будут закончены, то тебе

несдобровать?

– Д-да, – выдохнула Люси, – и тебе тоже! Ты здесь новенькая, ты не знаешь мою госпожу!

Лучистые глаза Белинды заблестели.

– А я ее не боюсь! Я наслышана о Фрэнсис Майлз. Это та, которая обвинила вдову Смит в колдовстве, а также дала показания против Элизабет Фостер. Судя по всему, ее не заподозишь в излишней доброте!

– Она ужасная! – Люси снова заплакала, дрожа как осинный лист. – А если она когда-нибудь узнает обо мне всю правду...

– О тебе? А что о тебе можно узнать?

Девушка вдруг перестала плакать и лицо ее перекошилось от ужаса. Она смотрела на Белинду широко раскрытыми глазами.

– Ничего! Н-ничего! Пожалуйста, госпожа... Белинда. Не обращайтесь внимания. Я совсем голову потеряла и веду себя глупо. Я пойду, пожалуй, а вы занимайтесь своими делами.

Она бросилась к двери, но Белинда нагнала ее и ласково положила ладонь ей на плечо.

– Подожди, Люси, не бойся. Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты можешь мне довериться.

Люси настороженно смотрела на нее. Видимо, то, что она прочла на лице Белинды, убедило ее в правдивости этих слов, потому что девушка успокоилась и перевела дух. Слабая улыбка проступила на ее бледном лице.

– Да... да, я вижу – вы добрая, – сказала она негромко. – Только не просите меня ничего объяснять. Я не могу! Я не должна! Не то чтобы я не доверяла вам... но я так боюсь!

– Тс-с... Ладно, не хочешь – не надо, – улыбнулась Белинда.

С чем бы ни была связана тайна Люси, бедняжка была слишком напугана, а ее страх перед Фрэнсис Майлз еще больше осложнял дело. Белинда поняла, что сейчас бесполезно продолжать расспросы, – Люси твердо решила хранить свой секрет. Однако Белинда поняла, что девушка нуждается в подруге, и поэтому снова повела Люси в гостиную.

– Почему бы нам не выпить по чашке чаю? Я мигом поставлю чайник, – предложила она радушно.

– О нет, я не могу! Мне нужно поскорее возвращаться. – Люси потянулась за корзиной. – Хозяин и барышня велели мне поторопиться...

– Всего десять минут, – заверила Белинда, – а потом можешь возвращаться к своей госпоже. Скажешь ей, что шитье будет готово через неделю.

Люси подняла голову. В ее теплых карих глазах еще стояли слезы.

– Ты очень добра, – сказала она простодушно. Белинда улыбнулась:

– Я не допущу, чтобы из-за меня тебе влетело от хозяйки. Мне больше нравится помогать тебе, чем доставлять неприятности. – Вдруг она рассмеялась, и озорной огонек вспых-

нул в ее зеленых глазах. – По такому случаю я даже принесу блюдечко меда, чтобы нам было что намазывать на лепешки, – только не проболтайся кузену Джонатану, а не то он точно отправит меня к позорному столбу. Мой дражайший кузен никому, кроме самого себя, не позволяет лакомиться сладким, будь то меласса², мед или сахар. Но я не покоряюсь ему по мере сил!

– Ты такая храбрая. Мировой судья Кэди – суровый человек.

– Он деспот, и я его ненавижу, – искренне призналась Белинда. – Судя по всему, твоя госпожа Майлз не лучше.

Люси опустила глаза.

Тогда Белинда сменила тему. Энергично снуя между кухней и гостиной, она с помощью Люси накрыла на стол. Уже через каких-то несколько минут они с удобством расположились возле пылающего камина, в тепле и уюте, и непринужденно, по-дружески болтали за чаем с хлебом и медом. Это было маленькое пиршество. Белинда заметила, как робость Люси постепенно исчезает, да и самой ей становится легче на душе. Чувство одиночества, не покидавшее ее в последние недели, ушло, и она снова воспрянула духом. До чего это замечательно – найти себе подругу! Белинда так привыкла к резкому тону и надменно сдвинутым бровям кузена Джонатана, что уже стала сомневаться – неужели она когда-нибудь вновь встретится с добротой? И вот сейчас она чувствовала

² Меласса – черная патока.

себя почти такой же счастливой, как некогда в Суссексе, в окружении дорогих для нее людей.

Несмотря на добрый нрав Гудуайф Флетчер, Белинда не чувствовала себя с ней так свободно, как со своей ровесницей. Хотя Люси и Белинда провели вместе, за чаем, совсем немного времени, но, прощаясь, обе ощутили, что их связали прочные узы. Теперь они с большей надеждой смотрели в будущее, и им легче было переносить настоящее. Обе вернулись к своим домашним делам, согретые теплом только что обретенной дружбы.

Белинда много узнала о Люси за этот короткий разговор. Девушка была, подобно ей, сиротой, которую взяли служанкой в дом Майлзов в десятилетнем возрасте. Она выросла вместе с Фрэнсис Майлз, они были одноклассниками, хотя разница в их положении всегда очень ощущалась. В прошлом году у Люси состоялась помолвка с Генри Марчем, двадцатилетним парнем, сыном фермера, которого, как поняла Белинда, девушка очень любила. Стоило Люси заговорить о нем, как глаза ее загорались. К несчастью, прошлой осенью Генри уехал в Филадельфию. Дядя предложил взять его в свое дело – дубление кож. Генри, которого не слишком прельщало фермерство, охотно воспользовался этой возможностью. Люси с гордостью поведала Белинде, что однажды Генри унаследует предприятие своего дяди и станет важным человеком. Лишь одно препятствие стояло на пути к их счастью. Генри придется жить порознь с Люси до тех пор, пока

он не встанет на ноги и не начнет зарабатывать достаточно, чтобы обеспечивать семью. Люси вот уже почти три месяца не получала от него никаких известий.

Белинда с жалостью подумала, что, возможно, этим и объяснялась грусть Люси. Она продолжала теряться в догадках: что за страшный секрет утаивает от нее Люси? Однако от дальнейших расспросов воздержалась, рассудив так: если Люси захочет поделиться с ней своими проблемами, то сама сделает это. После ухода Люси Белинда почувствовала, что дела пошли веселее. Ну что ж – пусть ее повседневная жизнь тяжка и безрадостна, но по крайней мере она нашла себе подругу.

Неделя тянулась за неделей в бесконечной череде дел. Холодный, серый март уступил место апрелю, провозвестнику весны. Теплые, резкие ветры задували с гор и врывались из залива. Дни стали солнечнее, небо посветлело, сменив бледно-серый цвет на великолепный ярко-синий. Однако Белинде, жизнь которой подчинялась скучной рутине, некогда было наблюдать за изменениями в природе. По утрам она растапливала камин, приносила воду, готовила завтрак, тщательно мыла весь дом – от полов до стропил. Днем подавала Джонатану Кэди обед, обычно тушеную говядину, баранину или свежую рыбу, пастернак и лук, за которыми следовал десерт – «пудинг индейцев» – мешанина из кукурузной муки и мелассы, запиваемая сидром.

Остаток дня Белинда проводила, ухаживая за садом, взби-

вая масло или у большого прядильного колеса, установленного возле кухонной печи. Она же выполняла обязанности прачки. Стирала одежду в сарае в большой деревянной лохани – особенно изнурительное и ненавистное ей занятие. Ужин подавался к закату, а потом, вычистив последний котел и подбросив дров в печь, девушка возвращалась к себе на чердак. Там, при неровном пламени свечи, она корпела над шитьем, сгорбившись от усталости, и ее измученные пальцы механически двигались, делая изящные стежки.

Один-два раза в неделю Белинда отправлялась в деревню за покупками. Эти поездки, хотя и вносили приятное разнообразие в ее серые будни, омрачались хмурыми взглядами и перешептываниями деревенского люда. Люси однажды объяснила ей, что столь подозрительно к Белинде относятся из-за ее красоты и что воображение местных жителей будоражат великолепные огненно-рыжие волосы, пусть даже и спрятанные под строгий чепец.

– Они говорят, что такие волосы может иметь только дитя дьявола, – рассказала ей Люси, когда девушки повстречались на дороге, и в ее ласковых карих глазах промелькнуло беспокойство. Люси шла пешком, Белинда ехала в повозке. Она тут же посадила подругу к себе.

– Будь осторожнее, Белинда. Стоит тебе допустить оплошность, и поползут разные слухи.

– Ты имеешь в виду слухи о том, что я ведьма? – насмешливо и презрительно спросила Белинда. – Но ведь не до та-

кой же степени суеверны эти деревенские?

Люси покачала головой:

– Это еще как сказать. Они все просто с ума посходили. Готовы обвинить в своих бедах любого, кто им не по нраву. Малейшего предлога достаточно. Умоляю тебя: будь осторожна во всем, что бы ты ни делала, о чем бы ни говорила!

Золотисто-зеленые глаза Белинды вспыхнули.

– Меня так легко не запугаешь! – воскликнула она. – До чего же мне хочется выбросить в грязь этот гнусный чепчик, распустить волосы и сплясать посреди деревни! Представляю, как бы они рты поразевали!

– О нет, даже и не думай об этом, – взмолилась Люси, и ее глаза округлились от ужаса. – В лучшем случае тебя посадят в колодки, а потом – кто знает, что им еще взбредет в голову.

– Мерзкие фанатики, дураки! – с ненавистью процедила Белинда. – Когда-нибудь мы сбежим от них, Люси, сбежим вместе – ты и я. Ты поселишься в Филадельфии с Генри, а я... я тоже начну новую жизнь – только еще не решила где. Но вначале нужно скопить денег, потому что, вырвавшись из этих мест, я уже никогда сюда не вернусь – как бы мне туго ни пришлось.

– А что, если тебе выйти замуж, Белинда? Ты такая красавица – я уверена, многие парни из деревни с радостью бы...

– Нет, – поджав губы, твердо произнесла Белинда. – Нет, я никогда не выйду замуж. Я еще не встречала мужчины, который не оказался бы дураком. – Она с сожалением улыбку-

лась, и по ее хорошенькому личику пробежала тень мимолетной грусти. – Я не желаю выходить замуж за человека, которого не уважаю, человека, уступающего мне по уму, и я... я уже не надеюсь встретить достойного. Они все или варвары, или идиоты. А эти деревенские парни – я видела, что это за увальни. Тупое, вялое стадо. Ни у кого из них не хватает мозгов задуматься, что за жизнь они ведут, усомниться в дурацких законах этих суеверных пуритан, которые им шагу не дают свободно ступить.

– Ну, это здесь, в деревне. Возможно, в других краях ты встретишь мужчину, который...

– Нет. – Белинда покачала головой. – В Суссексе было то же самое. Мужчины – глупцы, Люси. Они напиваются до бесчувствия, гоняются за проститутками и без конца разглазывают о том, что долг женщины – подчиняться своему мужчине. Они ждут от нас покорности, а я на это никогда не соглашусь. Так привязать себя к мужу еще страшнее, чем прислуживать Кэди! Этот по крайней мере не считает себя вправе... прикоснуться ко мне. – Она содрогнулась от отвращения, вспомнив о слюнявых поцелуях и жадных ручищах Фелпса. Нет-нет, если с мужчинами все происходит таким вот образом, то они ей совершенно ни к чему. Да она скорее умрет, чем позволит так с собой обращаться!

– Ты еще встретишь своего мужчину, – прошептала Люси ласково, едва слышно. – Ты влюбишься... безнадежно влюбишься... и очень скоро.

– Да неужели? – смеясь спросила Белинда, но, заглянув в лицо своей подруги, вдруг умолкла в изумлении.

Люси сидела совершенно неподвижно, как статуя. Ее прекрасные карие глаза остекленели, взгляд был прикован к дороге. Казалось, она ничего не видит. Люси не моргала, ее зрачки не двигались, она вообще не подавала никаких признаков жизни. Лишь губы шевелились – она что-то негромко говорила.

– У тебя будет мужчина... возлюбленный... красивый и грозный... Ты изведешь боль, и радость... и...

Внезапно глаза Люси закрылись. Тело ее обмякло, словно она полностью лишилась сил. Белинда поспешно схватила Люси за руку, чтобы та не свалилась на дорогу. Девушка затрепетала и, приоткрыв глаза, стала озираться вокруг, словно не понимала, где находится.

– Люси, с тобой все в порядке? – Белинда остановила повозку и в испуге посмотрела на подругу. – Ты так странно себя вела, говорила какие-то непонятные вещи.

Люси побледнела, паника охватила ее.

– Нет, о... нет, – прошептала она, вздрагивая. Люси схватила Белинду за руку. – Пожалуйста, забудь обо всем, что я говорила. Забудь о том, что видела. Пожалуйста!

– Люси, я не понимаю!

– Когда-нибудь... возможно, я тебе объясню... Но только не сейчас. – Люси вдруг спрыгнула с повозки. – Мне нужно идти! – Не сказав больше ни слова, она бросилась к дому

Майлзов. Белинда смотрела ей вслед в тревоге и недоумении.

При следующей встрече ни та ни другая не упоминали об этом происшествии, но Белинда размышляла над ним еще не один вечер. Она никак не могла забыть странный взгляд Люси, ее нелепые речи. В тот момент она не поверила своей подруге, с горечью твердя себе, что проведет всю оставшуюся жизнь в одиночестве, и все-таки... Иногда по ночам, лежа на своем тюфяке, она испытывала смутное томление, и ей страстно хотелось, чтобы ее обнимали, ласкали, прикасались к ней. Не такой грубиян, как Фелпс, а кто-нибудь нежный, ласковый и... Но все это были бесплодные мечтания. Она заставляла себя думать о чем-нибудь другом, но посреди ночи вдруг просыпалась без всякой причины и начинала плакать. Одиночество пожирало ее, насыщаясь, словно огромный червь, болью ее сердца.

Однажды утром, в середине апреля, Джонатан Кэди отправился в город по делу. Ему предстояло явиться в суд высшей инстанции, чтобы получить инструкцию, какие улики следует принимать к сведению в будущем во время судилищ над ведьмами. Он собирался отсутствовать весь день и предупредил Белинду, чтобы та не ждала его раньше заката солнца.

– К этому времени ты должна приготовить мне ужин и все привести в порядок. – Он вперил в нее холодный, презрительный взгляд. Черная бородавка, увенчивающая его под-

бородок, выделялась как никогда отчетливо на тестообразной коже. – И не вздумай отлынивать от работы только потому, что осталась без присмотра. После захода солнца я тщательно осмотрю весь дом, чтобы узнать, не бездельничала ли ты. Праздность – дьявольский грех, и я не потерплю его под своей крышей.

– Вы несправедливы ко мне, кузен! – воскликнула Белинда, загораясь от гнева. – Я никогда не давала вам повода обвинить меня в праздности!

– Только потому, что я постоянно нахожусь здесь и обеспечиваю порядок. Лишь страх передо мной, сознание того, что я не колеблясь пушу в дело розги, заставляет тебя усердно работать. – Кузен схватил ее за руку, сомкнув костлявые пальцы на нежной плоти. – Ты порочная девчонка, Белинда. Ленивая, дерзкая и сумасбродная. Да, сумасбродства в тебе хоть отбавляй. Я вижу это по твоим глазам – меня не проведешь. Я знал другую девчонку, такую же грешницу, как и ты. Какое-то время она обманывала меня, я думал, что она хорошая, чистая и... – Он внезапно осекся и посмотрел в лицо Белинде с прежней яростью. – Довольно! Я вижу тебя насквозь, маленькая кузина. Знаю скрытые изъяны твоей души – злобу, обман и уродство. Я справлюсь с ними. Ты слышишь меня? Я справлюсь. Когда-нибудь ты еще поблагодаришь меня за избавление от зла, угнездившегося внутри тебя!

Он с презрением оттолкнул ее и вышел за дверь, предо-

ставив негодующей Белинде размышлять над его словами и потирать покрасневшую руку.

«Я больше не вынесу этого!» – думала она, и слезы бессильной ярости катились у нее по щекам. Она не может жить словно рабыня, сносить все его оскорбления и прихоти! Она сойдет с ума!

Белинда подошла к окну. Кузен взгромоздился на своего мерина и двинулся по дороге в сторону города Сейлема. Она наблюдала за ним, пока тот не скрылся из виду. Потом туман, стоявший перед глазами, медленно рассеялся, и Белинда заметила, что, в отличие от ее настроения, день выдался дивный, погожий. Как зачарованная созерцала она великолепие дикой природы, и внезапно ее осенила одна мысль. Белинда побежала к двери и распахнула ее настежь, впустив в затхлый, душный дом свежий, теплый апрельский ветерок.

Стояло восхитительное, ясное утро. Крошечные зеленые листочки слегка колыхались на ветвях толстых дубов и вязов, травяной ковер уже покрыл землю. Все выглядело таким свежим, словно природа, воспрянув от глубокого зимнего забвения, решила целиком посвятить себя безмятежному весеннему ликованию.

У Белинды заблестели глаза. А почему бы и нет? И вправду – почему? Этим утром она поторопится и закончит все домашние дела быстрее, чем обычно. Потом соберет еду для пикника и отправится на природу. Какое это будет наслаждение – сбросить тяжелые башмаки с пряжками, вязаные чулки

ки и побегать босиком по свежей земле. Возможно, она даже набредет на пруд или ручей и искупается. Да, так она и делает, решила Белинда, тряхнув непокорными кудрями. Кузен Джонатан ничего не узнает. Она отлучится всего на час, не больше, и обязательно закончит все дела до захода солнца. Какое счастье – целый час делать все, что заблагорассудится! Купаться, дремать, нежиться на солнышке... Трудно было устоять перед таким соблазном, и она принялась за работу с бешеной энергией.

Несколькими часами позже, когда солнце раскаленным золотым шаром повисло на сапфировом небосклоне, Белинда вышла из дома, повесив на руку корзинку с едой. По такому случаю она надела нежно-голубое муслиновое платье с рукавами до локтя и вышитую юбку с белой кружевной оторочкой. Это платье, привезенное из дому, напоминало ей о прежней беззаботной жизни. Еще прошлой весной, в мае, она надевала его на ярмарку. В первый раз за последнее время она почувствовала себя вольготно, радостно, а все ее невзгоды и огорчения отступили, казалось, навсегда. Двигаясь легкой, изящной походкой вдоль кукурузных полей, она оглядывалась по сторонам – не видно ли йоменов, батрачивших на ферме кузена Джонатана. Белинда мало общалась с мужчинами, но знала, что в полдень они возвращаются домой на обед; к этому времени она и приурочила свой уход. Не будучи уверена, что они не донесут хозяину о ее прогулке, девушка не хотела рисковать. На обратном пути она сде-

лает крюк и выйдет на дорогу, чтобы ни с кем не повстречаться. До ближайшего дома целая миля, так что Белинда не видела особых причин для беспокойства. День был чудесный, думать о грустном не хотелось.

Вступив в густую лесную чащу, она полной грудью вдыхала напоенный свежестью воздух, не уставая радоваться белым и голубым фиалкам, уже зацветшим среди камней, на травяных островках. Кролик выскочил из-под куста и исчез в кленовой рощице. Белинда неторопливо пошла в том же направлении, прислушиваясь к перекличке цикад. По мере того как девушка углублялась в зеленое сплетение ветвей, розовый румянец проступал на ее щеках. Она медленно взбиралась по склону, наслаждаясь запахами и звуками пробуждающегося леса. И когда заросли сомкнулись вокруг нее, Белинда успокоилась и блаженно улыбнулась.

В некотором удалении, за березами, она заметила поляну, направилась туда и, дойдя до деревьев, остановилась, затаив дыхание. Глаза ее радостно засияли: помимо поросшей травой поляны там был пруд – чистая голубая вода искрилась на солнце. Издав радостный крик, Белинда бросила корзину на траву и помчалась вперед. Она разгорячилась от ходьбы, и сейчас самым желанным для нее было искупаться в этой прохладной, манящей воде. Наконец, освободившись от всех своих одежд, она бросилась в манящую синь пруда и, когда ее тело погрузилось в прохладную воду, громко рассмеялась. Девушка швырнула чепец на берег и вытащила заколки из

волос – длинные пряди свободно упали вдоль ее тела, густая огненная грива укрыла плечи и грудь. Это было так замечательно – избавиться от одежды, заколок, чепца!

Белинда упивалась вновь обретенной свободой. Она играла и резвилась как ребенок, вновь обретая радость бытия. Пташка, примостившаяся на ветке, напевала свою песню, олень робко выглядывал из-за деревьев. Белинде казалось, что сердце ее вот-вот разорвется от счастья. Похоже, этот восхитительный уголок, это волшебное пристанище предназначалось именно ей, именно в этот день. Ей хотелось остаться здесь навсегда, укрыться от кузена Джонатана, забыть о мрачной деревне под названием Сейлем. Маленький сверкающий пруд, поляна посреди весеннего леса, покрытая травяным ковром... Что еще нужно для счастья? Купаясь, она словно смывала с себя все унижения и обиды, и ее душа, ее сердце стали так кристально чисты и прозрачны, как вода, омывающая ее.

Когда она наконец вышла на берег, весенний воздух показался ей куда свежее, чем прежде. Задрожав, Белинда торопливо натянула нижнюю юбку и собиралась было уже надеть муслиновое платье, когда почувствовала тепло солнечных лучей на обнаженной коже. Девушка покачала головой. Нет, сначала она немного позагорает на солнышке, в нижней рубашке, с распущенными волосами. Неужели это возможно: ощущать себя настолько счастливой и свободной? И Белинда усмехнулась, подумав, что кузен Джонатан упал бы в

обморок, узнав о ее поведении.

Она аккуратно расстелила на траве простыню и приступила к ленчу. Индейка, сыр и яблочный пирог, которые она захватила с собой, показались ей вкуснее всего, что она ела со времени прибытия в Сейлем.

Собрав остатки трапезы, она легла на спину, подставив лицо солнцу, и с наслаждением вдохнула полной грудью. Тепло и нега обволакивали ее. Лес был напоен ароматами свежести и диких цветов, а приглушенное шуршание и щебет, раздававшиеся вокруг нее, убаюкивали, словно музыка, принося блаженное умиротворение. Поляна и в самом деле казалась заколдованной.

Сладкая дрема стала одолевать Белинду. Да, славно она попировала, но вскоре ей предстоит вернуться к постылой домашней работе, к проклятому деспоту – кузену Джонатану. Она вздохнула, мечтая о том, чтобы продлить эту передышку или вообще не возвращаться домой. Пронзительная голубизна неба заставила ее закрыть глаза и улыбнуться. Еще только несколько мгновений этого дивного спокойствия, пообещала она себе. А потом она поспешит обратно домой, имея в запасе уйму времени, чтобы закончить дела... Всего несколько мгновений свободы...

И Белинда плавно погрузилась в дремоту. Она не знала, когда это произошло и как долго она проспала. Но внезапно ощутила нечто, потревожившее ее сон. Медленно открыв глаза, она мечтательно уставилась на красивое, мужествен-

ное лицо, склоненное над ней. Какое чудесное сновидение!

Она еще никогда не видела такого великана. Волевое, словно высеченное из гранита лицо с прямым аристократическим носом и мужественным подбородком. Волосы, черные как смоль, беспорядочно лежат на воротнике белой батистовой рубашки. Плечи, широкие и мускулистые, прикрыты дорогим синим плащом. Но именно его глаза с самого первого момента приковали к себе ее внимание. Глаза были светло-серые, ясные, а взгляд их был острым, словно лезвие меча, и таким же холодным. Незнакомец слегка улыбался, наклонившись к ней, но улыбка эта вовсе не затрагивала его глаз.

– А, проснулась, красавица, – произнес он низким голосом немного насмешливо. Улыбка его стала еще шире. – Я хотел разбудить тебя поцелуем, но ты лишила меня такой возможности. И все-таки, красавица, поцелуй с меня причитается.

В холодных серых глазах мелькнуло озорство, и он наклонился ниже.

Тут Белинда проснулась окончательно и, охваченная паникой, поняла, что это не сон. Сероглазый незнакомец существует на самом деле и собирается ее поцеловать. Он собирается...

Ахнув, она оттолкнула его и попыталась сесть. Но, к ее ужасу, он только рассмеялся, с легкостью схватил ее за запястья и пригвоздил их к земле. Чудовищно силен! Смешно

было и думать о победе в этой неравной борьбе. Черноволосый широкоплечий гигант накрыл ее своим телом. Белинда задохнулась от ужаса.

– Нет, нет! Что вы делаете? Как вы смее... – закричала она.

Но он даже бровью не повел – лишь негромко хмыкнул и снова склонился к ней. А потом безжалостно прижал свой рот к ее губам.

Глава 5

Он целовал ее долго и жадно, растягивая мгновения наслаждения. И, что особенно ее взбесило, не думал обращать внимание на ее протесты. Беспомощная в его мускулистых руках, она сжалась, ожидая приступа отвращения, тошноты – того, что испытала, когда на нее набросился йомен Фелпс. Но, к ее изумлению, ничего этого не последовало. Когда незнакомец коснулся ее рта своими губами, Белинда почувствовала гнев, ярость, но никак не отвращение. Более того, зажмурив глаза всего на миг, она, потрясенная, поняла, что испытывает нечто совершенно другое, и губы ее от неожиданности раскрылись.

На одно безумное мгновение она расслабилась, и изумление от собственной странной реакции вызвало у нее новый прилив ярости. Белинда опять стала вырываться, но, к ее ужасу, незнакомец по-прежнему, казалось, не замечал ее сопротивления и, удерживая железной хваткой, хладнокровно продолжал целовать ее с решимостью человека, привыкшего добиваться своего. Его язык дразнил и исследовал глубины ее рта. И ее тело откликалось дрожью, которую она изо всех сил старалась перебороть. Когда наконец черноволосый незнакомец поднял голову и снова посмотрел на нее в упор, насмешливо улыбаясь, глаза ее были закрыты. Она лежала совершенно неподвижно, лишь грудь ее часто вздыма-

лась и опускалась под тонким шелком нижней рубашки. Затем, ошеломленная, задыхающаяся, она снова открыла глаза и стала вглядываться в склоненное над ней смуглое лицо.

– Пустите... меня... – процедила она сквозь зубы, стараясь отыскать хоть какой-то намек на милосердие в его бесстрастном взгляде. Но тщетно. Наоборот: его улыбка стала еще более насмешливой.

Она похолодела от ужаса. Этот мужчина не походил ни на кого из тех, с кем она встречалась раньше. Его и сравнить было нельзя с пьяным чудовищем Томом Фелпсом и тем более с ее худосочным, отвратительным, похожим на ожившего мертвеца кузеном. В чертах незнакомца, во всем его поведении чувствовались сила и уверенность, в холодных серых глазах светился острый ум. Он дерзко ее разглядывал, и на лице его отражались жесткость, надменность и непреклонная решимость. Инстинкт подсказывал девушке, что это человек, с которым считаются, и обычно бесстрашная Белинда почувствовала опасность своего положения. Что, если он... Она даже вскрикнула от страха и отчаяния. Глаза вдруг защищало от злых слез.

– Пустите меня, я сказала! Мучитель холодно оглядел ее.

– Не бойся, маленькая красавица, – произнес он и, заметив, что на ее запястьях уже выступили красные пятна, ослабил хватку. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Совсем наоборот, думаю, нам обоим будет приятно. Я наблюдал за тобой, пока ты спала. Ты необыкновенно красивая девушка. –

Он неторопливо обвел взглядом ее стройное тело, и глаза его загорелись от восхищения.

Да, она и в самом деле сокровище. Редкое сокровище. Никогда еще он не видел таких волос – ярких, пылающих огнем и при этом шелковистых, мягко обрамлявших ее хорошенькое личико. Глаза – золотисто-зеленые, как у тигрицы, опасные и завораживающие. Затаив дыхание, он оглядел соблазнительную выпуклость ее груди – два мягких холмика, не скрываемые вырезом нижней рубашки. Потом его взгляд скользнул ниже, по плавным изгибам бедер и ног. Потрясающе! Нежная, ослепительная красота принцессы сочеталась в ней с чем-то огненным, страстным, выдававшим пламенную душу, которая, загоревшись, разожжет в любом мужчине непреодолимое желание. Изучая ее, беспомощно распростертую на земле, он вдруг был поражен мыслью, что это, возможно, самая потрясающая женщина из всех, с которыми он когда-либо сталкивался. Даже более прекрасная, чем Гвендолин.

На его губах появилась жестокая, неумолимая усмешка.

– Я тут взглянул кое на что, как человек, знающий в этом толк. Так вот, поверь, моя сладкая, – редкая девушка производит на меня такое впечатление. – Глаза его сузились. – Твоих услуг всего на какой-то час – вот что мне нужно. Само собой, я хорошо заплачу, да к тому же тебя ожидает щедрая награда, если ты доставишь мне удовольствие. А я уверен, что ты мне его доставишь, – добавил он невозмутимо.

Белинда ошеломленно смотрела на него. Такого просто не могло случиться. По крайней мере с ней. Это невозможно, это чудовищно! Она чувствовала, как румянец сходит с ее щек. А незнакомец тем временем отпустил ее запястья и положил руку на грудь. Страшная правда дошла до ее сознания. Он принял ее за обычную проститутку, потаскуху из местных кабачков! И вовсе не собирался насиловать ее – просто покупал! Она ахнула и яростно забилась в его неумолимых руках.

– Вы... Вы самодовольное, грубое чудовище! – неистово выпалила она. – Отпустите меня! Вы совершаете ужасную ошибку, о которой будете жалеть! Я не шлюха! Я невинная девушка! Вы слышите? Пустите меня, наглец!

Он замер и, внезапно нахмурившись, оглядел ее.

– Что ты сказала?

Белинда снова попыталась оттолкнуть его, и на этот раз он позволил ей это сделать. Она села, тяжело дыша, и натянула рубашку на грудь. Глаза ее горели бешенством.

– Вы не ослышались! Я не проститутка, которую покупают за понюшку табаку! Как вы посмели вообразить... как вы могли так оскорбить меня? Вы чудовище! – С этими словами она в ярости набросилась на него и вцепилась ногтями ему в лицо.

Незнакомец среагировал с молниеносной быстротой, снова схватив ее за запястья и крепко прижав их к своей груди.

– Может быть, ты и не шлюха, но забияка – отменная, –

холодно заметил он и хорошенько ее встряхнул. – Успокойся и растолкуй мне все по порядку. Целомудренные пуританки не валяются на траве, в полуголом виде, – у них есть дом, семья, обязанности. Если ты не потаскуха, то кто же ты, черт возьми?

– Это не ваше дело! – возмущенно закричала Белинда, сверкнув полным ненависти взглядом.

Вдруг она заметила на траве, у незнакомца за спиной, рапиру и ножны, которые он, очевидно, снял, перед тем как опуститься перед ней, спящей, на колени. У нее просто руки чесались схватиться за оружие. В этом человеке было столько холодного высокомерия, что ее так и подмывало его ударить. Дело было не только в оскорблениях, которые он ей нанес, но еще и в его надменности и в этой его проклятой красоте, которая, вкуче с непоколебимой самоуверенностью, как бы провозглашала его превосходство над всеми остальными. Белинде страстно хотелось взять верх. Внезапно ей пришла в голову одна мысль. Прекратив сопротивляться, она с мольбой вскинула на него широко раскрытые зеленые глаза.

– Пожалуйста, – прошептала она с деланной покорностью. – Отпустите мои руки. Мне же больно.

Он посмотрел на ее нежные тонкие руки и отпустил. Лицо его помрачнело.

– Приношу свои извинения.

Белинда приложила дрожащую ладонь ко лбу.

– Мне что-то... нехорошо, – проговорила она слабым голосом. – Я... я не привыкла к такому... я... я...

– Держись, девушка. В моей поклаже есть бурдюк с элем. Он подкрепит твои силы, – быстро проговорил ее противник уже не таким суровым тоном.

Она смотрела сквозь ресницы, как он направился к крупному гнедому жеребцу, привязанному к ели у края поляны. С тяжело бьющимся сердцем Белинда дождалась, пока он подойдет к лошади. Потом она с проворством лани вскочила и бросилась к рапире. Когда незнакомец обернулся, удивленный ее неожиданной прытью, Белинда уже держала оружие в руке. Победная улыбка появилась на ее устах, когда она угрожающе взмахнула рапирой, но, к ее досаде, вместо того чтобы испугаться, неприятель запрокинул темноволосую голову и громко расхохотался. Она еще крепче сжала рукоятку рапиры, костяшки ее пальцев побелели, а в глазах появился опасный блеск.

– Смеетесь, негодяй? – в ярости закричала она. – Вы, наверное, думаете, что у меня не хватит духу вас продырявить? Ошибаетесь! Совсем недавно я всадила нож в одного человека и получила от этого большое наслаждение. Я с удовольствием прикончу и вас, здесь, сейчас, чтобы спасти других невинных девушек от ваших оскорблений и непрошенных ухаживаний!

Он усмехнулся:

– А ты и впрямь забияка! Ну что же – попробуй, девочка,

но вряд ли у тебя что-нибудь получится.

– А я думаю по-другому! – возразила Белинда, вздернув подбородок.

Он убрал бурдюк в седельный мешок и стал медленно приближаться. Белинда зорко следила за ним. Высокий, богатырского сложения, с широченными плечами и мускулистой грудью под элегантным синим плащом... Длинные крепкие ноги были обуты в тяжелые ботфорты, забрызганные грязью после дальней дороги. Белинда невольно испытала волнение. Да, мужчина он видный, из тех, по кому обычно сохнут женщины. Черные как смоль волосы и мужественные черты лица завораживали, и, повстречайся они при других обстоятельствах, Белинда, возможно, восхитилась бы им. Но сейчас он наступал на нее, и это привело ее в такую ярость, что она взмахнула рапирой, от чего он застыл на месте, насмешливо поглядывая на нее.

– Тебе не напугать меня, забияка.

– Тогда вы дурак!

– Это ты дура. – В его голосе вдруг зазвучали угрожающие нотки. – Учти: я могу обезоружить тебя в один миг. Так что не надейся выйти победительницей из этой дуэли. Ну же – будь хорошей, умной девочкой, отдай мне рапиру.

Белинда только мрачно усмехнулась.

– Вот чего вам хочется! – произнесла она с издевкой. – Чтобы я сдалась без боя! Нет, не дождетесь. Я не из тех девиц, что падают в обморок при виде крови.

А вам я пушу кровь с большим удовольствием, чтобы расквитаться за оскорбление, которое вы мне нанесли. Вы это вполне заслужили!

– Это ты заслужила хороших розог! – заметил он холодно, и в его глазах вспыхнул недобрый огонек. – Твои находчивость и храбрость похвальны, но, боюсь, для меня ты недостаточно искусно владеешь рапирой. Немедленно положи оружие, иначе я не отвечаю за последствия!

От гнева перед глазами у нее промелькнула красная вспышка. Он приказывает ей сдаться! Он ни в грош ее не ставит! А ведь она вооружена и находится в выигрышном положении! Возможно, кузен Джонатан и имеет право приказывать ей, ругать и осыпать бранью, но уж никак не этот высокомерный, наглый незнакомец!

– Я не выпущу оружия из рук, пока не убью вас! – выкрикнула она, упрямо вскинув подбородок. – Ну, на что у вас хватит духу?

В ответ он неожиданно поднял руку и резким, молниеносным движением расправил зловещего вида хлыст. У Белинды перехватило дыхание. Он вытащил хлыст из-под седла в тот момент, когда она схватилась за рапиру! Подходя, он прятал его, и она ничего не заметила. Белинда не отрываясь смотрела на грозное оружие, уже представляя, как оно коснется ее тела. К горлу подступил ком, рапира задрожала во внезапно вспотевших ладонях.

– Вы... Вы презренный...

– Вот так-то. – Он холодно улыбнулся.

Выражение его лица напугало Белинду еще больше, чем сам хлыст. А когда ее противник ловко щелкнул им в воздухе, она подскочила.

Незнакомец улыбнулся еще шире:

– В последний раз говорю тебе, забияка, положи рапиру.

– Никогда! – крикнула Белинда срывающимся голосом.

Вне себя от ярости, она набросилась на него, вложив в этот выпад всю свою силу. Ее противник все с тем же невозмутимым выражением лица отскочил в сторону, потом неторопливо поднял хлыст. Белинда вскрикнула и снова сделала выпад, но он проворно отскочил в сторону и резко взмахнул рукой. Хлыст просвистел над тихой поляной и обвился вокруг длинного клинка. В следующее мгновение незнакомец резким движением выдернул рапиру из ее сжатой ладони. Затем, бросив хлыст подле упавшей рапиры, он снова стал надвигаться на Белинду, и глаза его грозно засверкали.

Она ахнула и попятилась.

– Нет. О нет, вы...

Но тут она налетела на кленовый ствол и была тут же настигнута врагом, который развел в стороны мускулистые руки, преградив таким образом путь к бегству. Теперь он сверху вниз смотрел в ее помертвевшее, запрокинутое лицо.

– Я ведь предупреждал тебя, не правда ли? – спросил он, невольно замечая, как соблазнительно струятся огненные волосы по ее обнаженным плечам. – Только дураки вступают в

бой, который не способны выиграть.

– Пустите меня! – Белинда была в отчаянии. – Я не понимаю, чего вы от меня хотите! Говорю вам – я не шлюха. Вы не имеете права удерживать меня силой!

– Я хочу, чтобы ты мне ответила, девчонка! Как твое имя?
Ее глаза дерзко загорелись, хоть она и дрожала как осиновый лист.

– Ни за что не скажу. Вы мерзкий, бессовестный негодяй, который издевается над беспомощной женщиной...

– Позволь напомнить, что это ты подняла на меня рапиру, – заметил он язвительно. – Я только защищал свою жизнь.

– После того как напали на меня без всякого повода! Он вдруг ухмыльнулся, и на его красивом лице появилось насмешливо-изумленное выражение.

– Напал на тебя? Я так не думаю. Насколько я помню, я тебя поцеловал.

– Против моей воли!

Белинда попыталась отбросить его руку, но не смогла сдвинуть ее даже на дюйм. Крик отчаяния вырвался из ее горла. Она выпрямилась, стараясь не поддаваться панике.

– Чего вы от меня хотите? – воскликнула она гневно.

Его серые глаза рассматривали ее столь пристально и так блестяли при этом, что у Белинды перехватило дыхание. Сердце ее как-то странно екнуло, и горячая волна прокатилась по телу. «Уж не лихорадка ли это?» – вихрем пронес-

лось у нее в голове. Ничего подобного с ней прежде не случилось. «Кто этот человек? – спрашивала она себя, напуганная тем, насколько сильное воздействие он на нее оказывает. – Что со мной творится?»

– Не бойся, маленькая забияка, – мягко произнес черноволосый незнакомец и, прежде чем она успела шевельнуться, запустил пальцы в ее волосы.

Белинда стояла, словно окаменев. А он медленно наклонился и снова ее поцеловал. На этот раз Белинда не пыталась сопротивляться. Сердце ее заколотилось, когда она поняла, что ждет этого поцелуя. Легкая дрожь пробежала по ее телу, когда руки незнакомца обхватили ее. А когда его губы коснулись ее рта и Белинда почувствовала, как плотно прижался к ней его мускулистый торс, ее охватило волнение, какого она прежде никогда не испытывала. Запах мужчины, его мощь опьянили ее, руки девушки скользнули на его массивную грудь, потом медленно передвинулись вверх, на могучие плечи, и, наконец, обвили его шею, притягивая еще ближе. Губы их встретились и слились воедино. Все ее существо трепетало от чувств, которые она не понимала и над которыми была не властна. Руки незнакомца нежно скользили по ее стройному телу, обжигая своим прикосновением, исследуя все изгибы тела, едва прикрытого тонкой сорочкой. Белинде показалось, что она тонет в наслаждении, и при этом она ощущала себя до боли живой, как будто до этого никогда не жила по-настоящему.

Прошло еще несколько мгновений, прежде чем незнакомец отстранился и нехотя отпустил ее. Белинда не сводила с него горящих глаз, а ее нежное лицо заливала краска. Что же дальше? Она хотела еще, еще и удивилась его неожиданному отступлению. Но вдруг заметила, что лицо его потемнело от гнева, а дыхание стало таким же тяжелым, как у нее.

– Довольно, – пробормотал он охрипшим голосом. – Ты ведь говорила, что девственница, – верно? Так вот, если ты не хочешь расстаться со своим сокровищем прямо здесь и сейчас, то лучше оденься поскорее и постарайся держаться от меня подальше!

Он отвернулся и торопливо зашагал к краю поляны, оставив ее в полном недоумении. Грубые слова ранили ее. Если она только не собирается... расстаться... со своей девственностью? Нет! Нет! Стыд охватил ее, и густая краска залила щеки. Что она натворила! В своем ли она уме? Она вела себя как... как обычная потаскуха – отвечала на поцелуи этого незнакомца, позволяла прикасаться к себе, гладить. Белинда бросилась к лежащему на траве платью и натянула его дрожащими руками.

К полудню лес погрузился в тень. Солнце исчезло за облаками, ветерок, задувавший с холмов, посвежел. Белинда почувствовала озноб, когда незнакомец снова повернулся к ней лицом. Не сводя с нее глаз, он вложил рапиру в ножны, подошел к девушке размашистой, легкой походкой и сильной рукой приподнял ее подбородок.

– Ты восхитительное создание, забияка, – произнес он уже ласковее. – И очень необычное.

– Вы... Вы, наверное, думаете, что я... – начала она, стыдливо покусывая губы, но он только рассмеялся:

– Я думаю, что ты прекрасна.

– Я раньше никогда этого не делала! Я не какая-нибудь распутница! Сама не пойму, как это случилось.

Взгляд его смягчился, и он нежно провел пальцем по ее щеке.

Глава 6

– Одну минуту. – Черноволосый незнакомец решительно встал между Белиндой и Джонатаном. – Возможно, я могу быть вам чем-то полезным, сэр, – произнес он холодным, непринужденным тоном, от которого изжелта-бледное лицо Кэди тотчас побагровело.

– Когда-нибудь ты поймешь. Жаль, что я не могу...

– Что здесь происходит?

Испугавшись резкого возгласа, прокатившегося над поляной, беззаботная белка метнулась в глубину чащи, ища там защиты. Белинда же, узнав голос, замерла от ужаса, лицо ее тут же стало серым. Она обернулась и увидела своего кузена, стоявшего на краю поляны. Его тощее тело дрожало от ярости.

– Нет, – прошептала Белинда, чувствуя, что сейчас упадет в обморок.

Холодные, блеклые глаза кузена Джонатана, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Да! – взвизгнул он. – Я поймал тебя, низкая, нечестивая шлюха! Ты дорого заплатишь за свои дьявольские забавы, девчонка, – можешь не сомневаться. Заплатишь и телом, и душой!

Белинда вскрикнула, когда он поднял с земли ветку и стал подступать к ней с угрожающим видом.

– Я не знаю, кто ты такой, мошенник, но лучше отойди в сторону! Вначале я займусь этой шлюхой, а потом разберусь и с тобой!

– Вряд ли. – Незнакомец холодно улыбнулся.

Белинда, потрясенная тем, что кузен Джонатан застал ее в таком виде, все-таки не могла не восхититься невозмутимостью своего заступника. Но тут ей пришло в голову, что он, возможно, просто не понимает, насколько серьезно их положение. Знай незнакомец, с кем разговаривает и каким влиянием пользуется в Сейлеме Джонатан Кэди, он бы, наверное, вел себя более осмотрительно. Но, увидев, с какой твердостью он преградил дорогу кузену, Белинда подумала: нет, он не из пугливых. Такой сам кого хочешь испугает.

И все-таки она не могла допустить, чтобы на него обрушился гнев судьбы.

– Кузен, если вы позволите мне объяснить... – начала она, но Кэди прервал ее презрительным фырканьем:

– Молчать! Меня не интересует твое вранье! Мое единственное желание и мой истинный долг – проследить, чтобы твое греховное поведение было наказано!

Он угрожающе взмахнул веткой, но незнакомец заговорил прежде, чем кузен успел приблизиться к Белинде хотя бы на шаг.

– Вы совершите досадную ошибку, если причините какой-либо вред этой леди. Я не знаю, черт возьми, кто вы такой и почему считаете, что вправе оскорблять ее, но советую

бросить эту чертову ветку, пока я не сломал вам руку!

Кэди застыл на месте и недоверчиво оглядел стоявшего перед ним человека. Оба джентльмена были высокого роста, но Джонатан – худ и костляв, а незнакомец – настолько могуч, что исход возможной стычки между ними не вызывал сомнения. Злоба промелькнула на узком лице Кэди, и костяшки его пальцев, сжимавших палку, побелели.

– Положите ветку, – снова приказал незнакомец. После секундного колебания Джонатан подчинился и с досадой бросил свое оружие, впившись в недруга маленькими холодными глазками. Голос его дрожал от ярости.

– Сэр, мешая мне проучить эту девчонку, вы совершаете серьезнейшую ошибку. Она моя кузина, моя подопечная и служанка в моем доме. Это мое право и мой долг – наказывать ее. Ей полагалось заниматься хозяйством. А вместо этого я, чуть пораньше закончив дела и возвращаясь из города домой, слышу в лесу голоса. И кого же я тут вижу? Мою подопечную! Мою служанку. В компании незнакомого мужчины. – Джонатан был просто вне себя от ярости. Когда он говорил, лицо его дергалось. – С самого первого дня, когда она появилась в моем доме, нищая, в поисках крова и пищи, я разглядел в ней ленивую и бесстыдную грешницу, но только сейчас понял, что она обречена гореть в адском пламени. А теперь, сэр, посвятив вас в обстоятельства дела, я требую, чтобы вы отошли и дали мне возможность поступить с этой чертовкой так, как она того заслуживает!

Незнакомец повернулся к Белинде. По его холодному взгляду было невозможно угадать, что он думает.

– То, что он сказал, – правда?

– Правда, что я его кузина и служанка, – ответила она, встряхнув головой. – Но только я вовсе не ленивая и не бесстыдная. Я собиралась вернуться домой и закончить все дела до его возвращения! Но, как вы знаете, задержалась против своей воли.

Губы мужчины тронула легкая улыбка.

– Да, я знаю, что задержало вас.

Он снова посмотрел на Джонатана Кэди, и взгляд его посуровел.

– Если и надо винить кого-то в этом происшествии, сэр, так только меня, – заметил он. – Я обратился к вашей кузине и задержал ее разговором. Я, человек новый в этих краях, искал дорогу к постоялому двору «Четыре колокола», что в деревне Сейлем. Меня чрезвычайно заинтересовала жизнь сейлемского люда, и мы настолько увлеклись беседой, что потеряли счет времени. – Незнакомец небрежно положил руку на эфес шпаги и продолжил: – Если и существует цена, которую следует заплатить за столь безобидное происшествие, то платить буду я. Но предупреждаю вас, сэр: я не беззащитная девушка, покорно сносящая порку. И вам будет не так просто навязать мне свои представления о справедливости!

Кэди разинул рот. Но затем, овладев собой, выпрямился. Белинда снова узнала в нем прежнего Джонатана Кэди: хо-

лодного, жестокого, умеющего владеть собой.. Глядя на него, она невольно сжала кулаки, стараясь представить, как кузен ответит на лишь слегка завуалированную угрозу незнакомца.

– Ты ступил на опасный путь, негодяй! – произнес Кэди самым надменным тоном, на какой только был способен. – Ты знаешь, кто перед тобой? Я – мировой судья Джонатан Кэди, весьма почитаемое должностное лицо в деревне, которую ты собираешься посетить. Мне, обладающему здесь немалой властью, ничего не стоит посадить тебя в колодки за непрошеное вмешательство. Однако, – поспешно добавил он, – я готов забыть о твоих посягательствах и от чистого сердца пригласить тебя в нашу деревню, если ты вернешься к собственным делам и предоставишь мне заниматься этой девчонкой. Ее лживость и лень – моя забота, а не твоя. Я поступлю так, как того требуют обстоятельства.

– Вы собираетесь избить ее, – возразил незнакомец, и его пронизательные глаза заблестели, как стальные кинжалы. – А я не могу этого допустить!

– Ты... Ты не можешь? – пробормотал Джонатан. Незнакомец презрительно улыбнулся и вскинул бровь.

– Вы не ослышались. – Прежде чем Джонатан успел что-нибудь ответить, заступник Белинды поднял руку, требуя тишины. – Вы уже сообщили, кто вы такой, судья Кэди, – продолжал он ровным голосом, по-прежнему придерживая одной рукой рукоять рапиры. – А теперь позвольте я представлюсь вам и вашей милой подопечной. Меня зовут Гардинг.

Джастин Гардинг. Вам это имя что-нибудь говорит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.